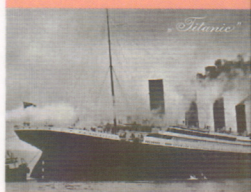

Олег
Лекманов

РУССКАЯ
ПОЭЗИЯ
В 1913
ГОДУ

Олег Лекманов

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В 1913 ГОДУ

**ВОСТОЧНАЯ
КНИГА**

Москва • 2014

УДК [82.09:821.161.1-1]«1913»
ББК 83.3(2)1-5
Л43

Лекманов О. А.

Л43 Русская поэзия в 1913 году / О. А. Лекманов. — М.: Восточная книга, 2014. — 176 с.

ISBN 978-5-7873-0835-8

Работа О. А. Лекманова представляет собой аналитический обзор русских поэтических книг, вышедших в 1913 году, причем рассматриваются не только сборники модернистов, но и собрания стихотворений массовых поэтов. Выделяются основные темы, волновавшие отечественных авторов в последний предвоенный год, и выявляется специфика книги стихов как «большой формы» в русской поэтической культуре того времени. Особое внимание уделяется теме, почти не затрагивавшейся в литературоведении, — любительскому, графоманскому сектору русской словесности.

УДК [82.09:821.161.1-1]«1913»
ББК 83.3(2)1-5

© О. А. Лекманов, 2014
© ООО «Восточная книга», 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Русская поэзия в 1913 году». Так сформулированная тема привычно притягивает к себе сужающий подзаголовок. Но его нет, поскольку цель нашего исследования заключалась в попытке аналитического обзора *всей* отечественной стихотворной продукции 1913 года, а говоря скромнее и точнее — *всех поэтических книг*, вышедших на русском языке в этом году.

Технически предварительный этап работы осуществлялся следующим образом: из известного библиографического справочника Тарасенкова — Турчинского¹ выбирались позиции, описывающие издания, датированные 1913 годом. Затем они заказывались в Российской государственной библиотеке и прочитывались насквозь. В процессе чтения в стихотворениях, вошедших в эти издания, выявлялись значимые переключки и контрасты. Всего было прочитано

280 книг²; 52 книги, к сожалению, остались для нас недоступными³.

Разумеется, очень многие из просмотренных стихотворений были написаны куда раньше интересующего нас сейчас временного отрезка; зачастую они датируются одним из 1900-х или даже 1890-х годов. Но ведь вполне очевидно, что собранные в книги отдельные тексты начинают восприниматься совсем по-новому, складываясь в мотивные ансамбли, комментируя и дополняя друг друга. Тем более это справедливо для 1910-х годов с их отчетливым пониманием книги стихов как «большой формы». Следовательно, мы имеем полное право считать *все* стихотворения, включенные в поэтические книги 1913 года, *литературными фактами* именно этого периода.

Почему был выбран 1913 год? На этот вопрос у нас есть два ответа — ненаучный и (более или менее) научный.

Ненаучный: автору этой работы захотелось внимательно взглянуть в лицо русской поэзии, каким оно было в том самом году, который впоследствии стал отправной точкой для сравнений *всего со всем* в «старой» и «новой» (советской) России. «По сравнению с 1913 годом...» etc.

Претендующий на научность вариант ответа таков: 1913 год действительно явился одной из зна-

чимых хронологических вех в истории отечественной поэзии начала XX века. В 1913 году вышли в свет книги стихов Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Ивана Бунина, Спиридона Дрожжина, Василия Каменского, Василия Комаровского, Алексея Крученых, Сергея Клычкова, Николая Клюева, Осипа Мандельштама, Владимира Маяковского, Владимира Нарбута, Игоря Северянина, Велимира Хлебникова, Марины Цветаевой, Вадима Шершеневича и других видных поэтов. В полный голос заявили о себе два главных постсимволистских течения — футуризм и акмеизм; символизм тоже был еще очень силен.

Нужно добавить, что русская литература и печать в целом как раз к этому времени добились небывалой свободы слова, уже в следующем году задохнувшейся в ура-патриотическом угаре Первой мировой войны.

Два круга вопросов, которые будут далее затронуты, связаны с двумя большими темами.

Разработка первой из них — **«Поэтический фон русского модернизма»** — потребовала от нас не только разделить всех прочитанных стихотворцев на модернистов и *не* модернистов, но и отобрать среди не модернистов тех, кто испытал модернистское влияние. Способ сравнения модернистов с не модер-

нистами был выбран самый простой и нами же ранее опробованный⁴: их книги сопоставлялись друг с другом по ряду формальных параметров⁵.

Вторая большая тема — «**Отражение в поэтических книгах 1913 года специфики жизни России того времени**» — спровоцировала нас при сквозном чтении стихотворений, составивших эти книги, выделять для себя смысловым курсивом остросовременные фрагменты. При этом целый ряд мотивов, общих для многих прочитанных стихотворений, из поля рассмотрения был сознательно выведен, поскольку эти мотивы являлись сквозными для русской поэзии в течение очень долгого времени, а не только для стихотворений 1913 года. Вот далеко не полный их перечень: календарная смена времен года, путешествие поэта к морю (чаще всего в Крым или на Кавказ, иногда — за границу), Пасха, Рождество и колокольный звон, сопровождающий эти праздники, ночь на Ивана Купалу, загадка сфинксов... Отметим еще, что в некоторых не модернистских поэтических книгах 1913 (но, разумеется, не только 1913-го) года важное место отводилось стихотворениям, подводившим итоги уходящего года и содержащим прогнозы на год грядущий⁶.

Необязательное о графоманах

Но прежде чем перейти к попытке классификации русских поэтов, выпустивших книги стихов в 1913 году, чуть-чуть поговорим о тех из них, кто всегда пребывал в тени своих более талантливых собратьев по перу, — о графоманах.

В девятнадцатом столетии их насчитывалось немногим меньше, чем в начале двадцатого. Однако в силу стесненных денежных обстоятельств большинство поэтов-дилетантов не могли позволить себе издавать книги, довольствуясь списками и альбомами. Общее улучшение экономической ситуации в России и упрощение техники печатного дела вкупе с окончательным закреплением статуса книги стихов как главного итога издательских усилий поэта привело к тому, что в 1900—1910-е годы едва ли не каждый стихотворец мог и считал нужным выпустить за

свой счет или за счет сердобольных родственников авторский сборник.

Для нас сейчас важно, что среди эпигонов модернизма графоманы хотя и реже, чем среди массовых поэтов, но тоже встречались. Хорошим примером могут послужить опусы юного москвича Л. Жданова, явно ориентировавшегося на изысканные лирические портреты Михаила Кузмина. Прочитируем одно характерное для этого автора стихотворение полностью:

Глаза с изящной косиной,
Пробор изысканный и ровный,
Щека с больною белизной
И нос приподнятый и вздорный,

И ряд ненужных, лживых фраз.
Из сунса пышный воротник
К щеке его кой-где приник,
Пленяя мой уставший глаз.

Соответственно, в нашей классификации поэтов 1913 года они на графоманов и не графоманов подразделяться не будут.

На этом разговор о графомании можно было бы завершить, если бы не то совершенно особое «удовольствие от плохих стихов» (цитируя заглавие известной статьи В. Ф. Маркова)⁷, которое способны

получать иные читатели. Специально для таких читателей и написано несколько следующих страниц, а остальных приглашаем, не задерживаясь, перейти ко второму разделу работы.

Откровенно анекдотические образцы графомании представляют собой те поэтические книги 1913 года, чьи авторы не были носителями русского языка от рождения, впоследствии им овладели не вполне уверенно, но все же поддались искушению писать стихи по-русски.

Таково, например, вышедшее в Зугиди отдельным изданием душещипательное произведение поэта из Грузии А. Кирии «Живой в могиле (Песня монологическая)», из которого здесь приведем небольшой отрывок:

Желание сбилось, он в руках врагов,
Страдает невыный, закипит и кровь.
В комнате темной задержан он был,
В три сутки мучился не ел и не пил...
Сам своей судьбы он по стенам читал,
С душевной жалобы результат не ждал.

Таковы и стихотворения, составившие книгу стихов немца Николая Гейнрихсена, изданную на окраине империи, в г. Верном. Из нее процитируем три отрывка и одно стихотворение целиком:

Он и она —
На кончике пруда.
Жеманится девица.
Мельком встречаются глаза.
.....

Уверенность в победу —
Бросает кровь к челу.
.....

Оставили места.
Он — сдалека
Держит ее на виду.

(«Каток»)

Вот — я кокетка!
Вижу все метко.
Над старцем хохочу,
Мечтателя гублю.

За мною стая взоров,
Охотников до вздора;
Немало кикиморов, —
Я не страшусь позора.

(«Вот — я кокетка...»)

Да, письмо в твоих руках!..
Очи мрут, скорбя...

Резко дергает в губах,
Мята вся щека...

Брызнула слеза в ресницы.
Пеленой мутит глаза...
Где вся гордость славной львицы?
Чаша горечи полна!
(«Да, письмо в твоих руках!..»)

За лесок тот мало туч отсылается;
Вечерком концами яреньких лучей
Набосклон за рощей озаряется;
А на ночь — в те края опускается
Бойкое стадо мерцателей...
За тучками, сучками —
Со мною эти звездочки
Наперебой играют в жмурки...
(«Полет»)

Шестую строку последнего фрагмента Гейнрихсен снабдил трогательным примечанием-разъяснением для читателя: «Должно быть — “За тучками, сучками”».

Такова и трудночитаемая книга украинца Е. Н. Марченко, выпущенная в Харькове, из которой приведем одно стихотворение полностью и один отрывок:

Неслись они подобно змею
И один, кричал: «гони,

Гони скорей я не успею»,
И заблестели в миг огни.
Кроме них, мчался с сигналом
Пути свободу предвещал
Прогремели тройки валом
И над ними первый пар
Проклубился над следами
Но тут ошибка превзошла,
Команда стройными рядами
К совещанию пришла.
«Стой ребята, все спокойно»
Брандмейстер это сказал,
Поворачивай, вольно
Видно кто то нам соврал.
Собралися снова силой
Быстро вскочили на коней,
Кони встряхнули только гривой,
Исчезли факелы огней.

(«Пожарная дружина»)

Ах! Дуня, как вам не стыдно
Вы так долго пробыла.
Для вас конечно, безразлично
Пустяк, забота и дела.
Простите барыня, я извиняюсь
Но в этом поступке не должна

Я беспощадно, всю жизнь трепаюсь
А жизнь, на радость мне дана.

(«В неравной борьбе»)

Завершается книга Марченко стихотворением «Свідитиль на суді», построенным в форме диалога двух персонажей: судья задает вопросы на ужасающем русском языке, а свидетель отвечает на вполне сносном украинском.

Но и некоторые природные носители русского языка вполне могли бы посоревноваться с только что процитированными авторами в неумении справиться с азами поэтической (и просто) грамоты, помериться с ними обилием синтаксических несуразностей, речевых, грамматических и орфографических ошибок:

Пусть с голоду меньше бы гибнул бедняк,
Пусть помощь нашел бы всегда навяряк,
Всегда пусть богатый одно лишь поймет,
Что крошкой богатства он брата спасет.

(Е. П. Аврамов «На Новый год»)

Среди родных полей
И шума городского

Никогда мне не забыть
Тебя, о море голубого.

(С. К. Акимова «К морю»)

Лишь увидав его,
Я назвала его «своим»...
Он что-то взял от сердца моего,
Он чем-то был тогда томим.
В больших глазах скрывалась скорбь,
И нервная походка говорила,
Что в существе его таится боль,
Что он далек, далек от светского горнила.

.....

...Я ближе подошла,
Взглянула глубже в этот взор,
И тайна вышла из нутра:
— Он пережил Любовь!

(Зинаида Б. «Лишь увидав его...»)

Все девицы от нее удалились,
Она в зале осталась одна;
И лицо у ней страшно изменилось,
И тут вскоре она в спальню вошла.

(А. Богатырев «Роковая минута или нечаянное
убийство девушки» — из одноименной книги)⁸

Ты не зови меня порочным;
В моей измученной судьбе,
Я другом был тебе не вечным,
Но думал нежно о тебе.
И часто летнею порою
За рощей пышной, молодой,
Ты помнишь ли, гулял с тобою
Я мрачный, бледный и худой?
И долго я тоской мятежной
Не мог прошедшее будить
И ручкой милой, белоснежной,
Уста свои я шевелить.

(Н. Ганецкий «Не зови меня порочным...»)

Теперь же от тебя узнавши,
Что замуж за богатых думаешь идти,
Презренные металлы взявши,
Убить любовь и жизнь буржуйную вести.

Тебе дороже платью тела.
Как тело ценишь выше нравственной души.
Ты как чумы боишься дела,
Ты паразитом хочешь жить, но не в глуши.

(Ф. Пестерев-Померанцев «Ты чистою мне казалась...»)⁹

Пускай хохочут, издеваясь,
Все силы худшие в людях,
За все позорное хватаясь —
Позор наш носят на руках!
Пусть страсти низкие полчатся...
Пороку царство отдают,
Поэты станут преклоняться
И величать порока суд!
Я верю в царство не порока,
Не себялюбья, а любви...
Хоть путь ее, как путь порока,
Купаем часто мы в крови!

(Андрей Свеницкий «Я верю»)

Ночь. Тишина. Во сне глубоко
Природа вся погружена,
И только плещет одиноко
О берег сонная Нева.

(Н. Щербakov «Ночь. Тишина. Во сне глубоко...»)

Еще один тип графомании представлен в таких стихотворениях, где все слова, взятые по отдельности, смешными не кажутся и погрешностей против синтаксиса русского языка тоже не наблюдается, а комический эффект при чтении ощущается, и весьма сильный. Порождается он в первую очередь неуме-

нием авторов-любителей выдержать единую стилистическую манеру, забавной какофонией, возникающей в их стихотворениях от соседства строк, позаимствованных как бы из произведений разных жанров. Приведем несколько примеров разнообразных стилистических напластований из стихотворений поэтов-дилетантов, издавших свои книги в 1913 году:

Целуя Матренины губы,
Смотрел на закат Митрофан.
Курились фабричные трубы,
Клубился над речкой туман.

И крики, подобные стону,
Неслись от железных машин.
Сжимая, целует Матрену,
Огнем сладострастья палим.

*(Мих. Артамонов «В дыму фабрик и заводов» —
из книги «Улица фабричная»)*

Еще одной могилкой больше.
Угасла яркая звезда.
Одним еще в России меньше
Борцом — за идею труда.

*(Д. Безрукавников «Памяти Варвары Яковлевны
Веселовской»)*

Вдруг настукали мы,
Что желудок его
Издаёт непонятный нам звук:
Он неделю не ел,
А желудок меж тем
Был на ощупь и крепок и туг.

(А. И. В-ий «Амбулаторный прием»)

Она на предложенье
Отказ ему несла;
Без всякого смущенья
Удар свой нанесла;
И молвила, что знатность,
И пышность, и комфорт
Влекут с собой развратность,
Когда царят, как спорт.

(Я. Волынцева «Душа и тело:

Опыт лирической новеллы в стихах в 10 главах
с прологом и эпилогом»)

Ты Песню Русскую слагал нам —
Ее споем мы до конца;

Своею жизнью сплетал нам —
Величье Царского Венца;

Своею смертью завещал нам —
Любить Отчизну и Творца;

И друг наш, брат, — Ты приказал нам:
Не брить Российского Лица!

*(Александр Ковалевский
«Посвящение Петру Аркадьевичу Столыпину»)*

Всегда ж, когда я ставить эту женщину готов
На пьедестал.
Мне каждый раз приходится познать, что не таков
Мой идеал.
Что эта женщина не стоила мучительных исканий,
Что в ней нашел я лишь продукт ничтожных
подражаний.

(Отто Ф. Кильбах «Лишь издали...»)

И народ, лишенный инициативы,
Наклонялся долу, как колосья нивы.

(Т. Львов «Жертва Искупления»)

Птичка скачет, птичка вьется
Под названием скворца,
Из уст сладка песня льется
На унылые сердца.

Птичка пырхаясь летает
По селенью, у светлиц,
Кажду за сердце хватает
В заточении девиц...

(Л. Лундин «Вестник весны»)

Пели Вы, и голос дивный
Страстью чудною звучал,
И дрожа весь... весь бессильный,
Всю тебя я целовал...

(А. Неврастенный «Пели Вы, и голос дивный...»)

То было 8-го июля.
Под тенью зеленого шатра
Мы сидели вокруг стола.
За здоровье хозяйки высокочтимой,
Бокал вина подняв рукой,
Я тост произнес такой:
«За Ваше здоровье я пью,
Благие пожеланья шлю:
Пусть розовые цветы
И такие же плоды добра
Ваш жизненный путь устилают всегда!!»

(Т. Рёв «Посвящается Маргарите»)

Теперь из общей массы графоманов мы бы хотели выделить двух авторов, написавших сразу несколько стихотворений, невольно «предвосхитивших» манеру интереснейшего поэта 1920—1930-х годов — Николая Макаровича Олейникова.

Первый из них, петербуржец фон Бок, в предисловии к своей книге стихов «Аккорды души» кокетливо признавался читателю: «Наружным видом моя жизнь может ослепить каждого, она блистательна, своеобразна и картинна, но внутренний смысл ее ужасен». Из этой книги приведем два отрывка и два стихотворения полностью:

Мы были на бале,
Мы были на бале.
Мы были на бале —
— Но только не я.
(«На бале»)

Тебя металл презренный ненавижу
И все-таки тебя еще люблю.
Тебя металл презренный проклиная
И все ж иметь тебя хочу.
(«Деньги»)

Вы меня посетили
Вечерком как-то раз,

И вдвоем говорили
Мы без всяких прикрас.
Говорили час целый
Об актерском пути,
Что в нем только лишь смелый
Может счастье найти.
Нужна тактика, знание,
Нужна смелость во всем
И при том обладанье
Энергичным умом.
И когда уж стемнело,
Вы ушли от меня,
Вслед Вам фраза летела, —
«Вам желаю добра».

(«Посвящается Е. И. Тимофеевой»)

В мастерской на пьедестале
Обнаженная стоишь...
Вся сама ты как из стали,
Ты застыла и молчишь.
Дивно-мраморное тело
Вызывает чувство — страсть.
И художник онемелый
Пред тобой готов упасть.

(«В мастерской на пьедестале...»)

Второй поэт, из которого мы хотим процитировать одно стихотворение целиком плюс четыре отрывка, телеграфист из Вильно Илья Чалеев, в предисловии к своей книге «Горю — забвенью», выпущенной в Белостоке, уверял читателей: «Талант писателя несомненно во мне есть, я в этом уверен и надеюсь, что и критики это в моей книге обнаружат».

Я славы не желаю,
Я золото кляню
И творчеством пылаю
У Нади весь в плену,
И ей хочу дарить любви расцвет —
Люблю я Надю как поэт!
Что блага жизни в сравненьи с Надей,
С ее красноречием как артистки,
С ее кудрями черных прядей
И с буферами пышной суфразистки,
Что всех чарует много лет —
Люблю я Надю как поэт.
(«Думушка»)

Как трудно талантам дорога дается,
Как трудно в журналы пробиться:
Как рыбке об лед им приходится биться,
Толпа же тупая коварно смеется.
(«Поэту»)

Хочу я счастливецом быть в мире,
Тела чтоб в сплетеньи томились,
Друг другу огненно молились:
Ведь счастье не в царской порфире.

По смерти хочу единенья:
Чтоб мирно в гробнице лежали,
Гармонии жизни внимали
Пылинки телесного тленья.

(«Моей мадонне (Н. М-ной)»)

Противны мне рожи коллег,
Цинизма, курения я не терплю:
Их юмор — болезненный смех —
Их вовсе острот не люблю.

(«Контрощица»)

Хочу тебя одну безумно я любить,
И в поцелуях телеграф забыть.

(«Хочу (П. С. К-вой)»)

По-своему любопытный образчик непреднамеренного синтеза разнообразных жанровых, стилистических и временных элементов в одном тексте являет собой «драма (в стихах) в трех действиях» П. Н. Касперовича «Самосуд крестьян, или Казнь

атамана разбойников». Здесь некоторый «атаман Пугач», зашедший подкрепиться в сельский трактир, выражает свое желание следующим образом:

Я шайки атаман!!
Но мирным хочу быть,
Пришел к вам в ресторан,
Чтобы выпить, закусить.

Затем один из его сподвижников ни с того ни с сего, подобно оперному герою, запевает «тенором, жестикулируя рукой в сторону публики»:

Днем вчера я сидел здесь,
Михей, мальчик, объяснил,
У хозяйки деньги есть,
Хозяин много накопил.

А еще ниже злодейски убитая этим сподвижником со товарищи жена трактирщика внезапно для зрителя оживает и раздражается коротким, но энергичным монологом, обращенным к мужу.

В это время труп Гаши зашевелился, и Брылов с радостью бросился поднимать жену, которая, сильно дыша, открыла глаза, увидела мужа, с радостью вскрикнула:

Ты здесь! Ты здесь!..
Побудь со мной!
Тебя ждала я, милый мой!
Падает в обморок. (Занавес).

В финале драмы, как и было обещано в ее заглавии, «атамана Пугача» ждет лютая казнь:

Показалась кровь. Атаман не выдержал боли, согнулся в дугу и схватился руками за привязанную ногу, взобрался на сук и стал грызть веревку.

Завершая это несколько затянувшееся отступление, отметим еще удивительное самоограничение отечественных графоманов 1913 года при использовании ими стихотворных размеров. Различные варианты трехсложников встречаются у авторов-любителей лишь изредка, в виде исключения, преобладают же четырехстопный хорей и четырехстопный ямб.

Может быть, степень разнообразия употребляемых размеров и позволит со временем объективно отделить настоящих поэтов от дилетантов.

Модернизм и массовая поэзия

Эта тема до сих пор почти не привлекала внимания исследователей. Кажется, лишь М. Л. Гаспаров бегло наметил ее общие контуры: «Модернизм никоим образом не исчерпывает русскую поэзию начала века. Стихи модернистов количественно составляли ничтожно малую часть, экзотический уголок тогдашней нашей словесности. Массовая печать заполнялась массовой поэзией, целиком производившейся по гражданским образцам 1870-х годов и лирическим образцам 1880-х годов. Модернисты намеренно поддерживали этот выигрышный для них контраст, они не только боролись за читателя, но и отгораживались от читателя (настолько, насколько позволяла необходимость все же окупать свои издания)»¹⁰.

Попробуем детализировать и кое в чем скорректировать гаспаровскую характеристику, но сперва

сверхкратко поясним, кого в этой работе мы будем называть массовыми (не элитарными) поэтами: как раз всех тех авторов, от которых модернисты «отгораживались», то есть тех, кто не печатался в модернистских изданиях и не участвовал в модернистских литературных объединениях.

Указание Гаспарова на главные гражданские и лирические образцы для массовой поэзии начала XX века анализом нашего материала подтверждается на сто процентов: самым оцутимым на авторов 1913 года было ожидаемое воздействие Надсона и чуть менее ожидаемое — Фета.

Разговор о надсоновском влиянии на массовую гражданскую поэзию начала 1910-х годов здесь ограничим перечислением авторов, посвящавших Надсону стихотворения или бравших из него эпиграфы: Н. Васильковская (эпиграф к стихотворению); Н. И. Грамматчикова (стихотворение «На мотив Надсона»); А. В. Жуковский (эпиграф к стихотворению); Анатолий Иоссель (стихотворение «На мотивы из Надсона»); Иван Коробов (стихотворение «Памяти С. Я. Надсона»); Т. А. Н — я (эпиграфы к стихотворениям); Л. Ростова (стихотворение «Надсону»).

Имя Фета встречается в поэтических книгах 1913 года реже — только четыре раза: трижды в заглавиях стихотворений: М. Вакар «К детской головке (подражание Фету)»; Геон «Отчего (Подража-

ние Фету)»; Эспер Ухтомский («На смерть Фета»), а кроме того — в эпитафиях к стихотворениям Симеона Маслюка.

Однако реминисценций и интонационных заимствований из Фета полны и те лирические миниатюры наших поэтов о природе, в которых прямые апелляции к его имени отсутствуют. Примерами пусть послужат два почти комических случая — рабское подражание зачину фетовского стихотворения «Чудная картина...» и варьирование финала фетовского стихотворения «Шепот, робкое дыханье...»:

Грустная картина,
Как ты мне родна!
Снежная равнина
Без конца видна...

(Леон Днепрович «Белый путь»)

Чайки, парус, тина и опять песок,
Та же паутина, тот же и дымок.
И куда хватает человека глаз: —
Изумруда блики и топаз, топаз!..

(Владимир Гущик «На взморье»)

Лирический шедевр Фета «Шепот, робкое дыханье...» послужил также контрастной основой для

политической пародии, включенной в «Книгу настроений» В. Терновского:

Шорох, пьяное дыхание,
Трели кулака,
Безнадежное стенанье,
Взоры паука...¹¹

и т. д.

Хотя осмеянный современниками Фет к 1913 году уже прочно вошел в пантеон русских классиков, его прямые поэтические наследники, модернисты, по-прежнему часто подвергались остракизму. В этом отношении ситуация в сравнении с 1890–1900-ми годами переменилась мало. Насмешки сыпались и на модернизм в целом, и на конкретных модернистов.

Иногда пародисты и эпиграмматисты проявляли своего рода деликатность, не называя имен тех элитарных поэтов, в которых метили их стрелы. Так поступил, например, П. Голощапов, чье юмористическое четверостишие было обращено к Валерию Брюсову как автору многократно пародировавшейся строки «Всходит месяц обнаженный при лазоревой луне»:

Коль будет у тебя воочью
Такой оптический обман,

Что две луны увидишь ночью, —
Ну, значит, ты, мой милый, пьян.

Порою высмеивались некие достаточно условные и тоже никого конкретно не задевавшие «измы», как в «повести в стихах» приятеля некоторых из акмеистов Алексея Липецкого «Надя Данкова»:

Цветы и Гамсун, и наряды,
Толстой, и сельские обряды,
И «измы» разные смешно
Сливались в целое одно...

А также вполне обобщенные «декаденты», как, например, в «Веселом райке дедушки Пахома»:

...картины пишут разные, хорошие и безобразные, а самые модные декадентские и хреноводные. Декадентская картина тем хороша, что не поймешь в ней ни шиша... А это современной публике и нравится, а художник тем и славится. Важнее шагает, длинные волосы отпускает и усердней за галстук заливает...

Или в стихотворении Жана Санаржана «В стиле нуво»:

Ты мой слух декадентский ласкаешь, —
От восторга я влез на забор —
Ты поела, ты звонко икаешь,
Будишь эхо далекое гор...

Или у И. М. Радецкого в стихотворении «Невский»:

Наблюдаю, изучаю —
Вижу много лиц...
Много тощих декадентов, —
Городских «интеллигентов» —
И «лихих девиц»...

Впрочем, эпитетом «тощая», согласно мемуарной заметке Анны Ахматовой, врач-гигиенист и поэт-дилетант Иван Маркович Радецкий воспользовался, обличая в январе 1913 года ее и ее сотоварищей: «Бородатый старик Радецкий, выступая против нас, акмеистов... с невероятным азартом кричал: “Эти Адамы и эта тощая Ева!”»¹² Означает ли это, что и в только что процитированном стихотворении Радецкий наскокивал в первую очередь именно на акмеистов? Так или иначе, но еще один из его опусов изобилует грубыми нападениями на прямо названного по имени уже в заглавии поэта и прозаика из поколения старших символистов:

Конек мой — «Хам» во имя Бога...

Пред мной широкая дорога:

Стремлюсь я радостно вперед —

Туда, где молится народ...

Хочу молиться там и я. Но ах, —

С конька свалился я во прах: —

Мой «Хам» проклятый заскакал

И в степь на волю ускакал.

(«Страшный “Хам” (Посвящается Мережковскому)»)

Прямо перечисленные символисты обвинялись и в ядовитом стихотворении В. Терновского «Наши дни», вошедшем в его «Книгу настроений»:

Промчался век богатырей, —

Пошли Бальмонты, Сологубы —

Стихов красивых душегубы

И воспеватели страстей...

Легко заметить, что основными объектами для насмешек и инвектив массовых поэтов старшего и среднего поколений продолжали оставаться главным образом символисты. Что такое футуризм и акмеизм, большинство из них просто еще не успели толком понять и прочувствовать. Однако более молодые со страстью обличали футуристов и (гораздо реже) — акмеистов.

К примеру, Н. Евсеев в стихотворении «Два памятника (Из Новочеркасских мотивов). По поводу постановки памятника Я. П. Бакланову» иронически стилизовал монолог прекраснодушных провинциалов, обращенный к условному скульптору-реалисту XIX столетия:

Мы дети прогресса...
Дней прошлых завеса
Тебя отделяет от нас...
Иди к футуристам,
Примкни хоть к кубистам —
Тебя просветим мы сейчас.

А Я. Коробов с А. Семеновским издали во Владимире-на-Клязьме книгу стихотворных пародий «Сребролунный орнамент», на титульной странице которой красовалось: «Автору “Громокипящего Кубка” благоговейно посвящаем». Адресата этого втайне глумливого посвящения пародировал Коробов:

Белый фартук. Шарф, гребенка,
На щеках бутоны роз.
— Няня, няня, у ребенка
Оплаточьте сопленос...
(«Веснодень»)

Он же насмешливо перепевал двух левых акмеистов — Владимира Нарбута и Михаила Зенкевича:

Багряносиний рядотуш
И жирногноестный прилавок...
И целый сонм скотинодуш
Укорно зрится с пялопалок.
(«Мясоготовня»)¹³

При этом жанровое определение «пародия» в подзаголовке к книге Коробова и Семеновского отсутствовало: сметливому читателю предлагалось догадаться обо всем самому¹⁴.

Но, по крайней мере, в одном встретившемся нам сходном случае даже самый сметливый читатель, вероятно, попал бы пальцем в небо: мы имеем в виду три вышедшие в Зенькове книжечки Сергея Подгаевского, производящие стопроцентное впечатление затянувшейся пародии на стихи сразу нескольких кубофутуристов, в первую очередь Алексея Крученых и Владимира Маяковского.

Приведем один характерный фрагмент из книги «Бисер»:

Затворились
Квадратные
Двери.

Как же
Не радоваться
Такой
Мудрости?!
Свиньи,
Гнояю
Задверно
Удавленных
Гнидами.
Гнусно
Корчится
Белиберда.

Один — из книги «Эдем»:

из ночи слезливой
выползла
рыжая змея моих
лжестраданий.
Пускай будет так.
Плач мой — визг.
визг пришибленной собачонки...
это
из другой оперы...
нет, нет... ничего
подобного!
улица. гм?

И один — из книги «Шип»:

мне — учителю, тарабаршно,
ните — ики.

И только твердое знание о том, что будущий соучастник Владимира Татлина по выставке «синтезостатичных композиций» Сергей Подгаевский писал свои стихи абсолютно «всерьез», заставляет перестать относиться к ним как к пародии и попытаться увидеть в этих стихах опыт усвоения футуристической поэтики.

И все-таки вслед за М. Л. Гаспаровым резко обособлять русскую модернистскую поэзию от массовой представляется нам не вполне корректным и уж точно — излишне категоричным. О значительном влиянии модернистов на не модернистов от противного убедительно свидетельствуют хотя бы процитированные выше пародии молодых авторов на стихи Северянина, Нарбута и Зенкевича¹⁵.

Весьма многочисленными в стихотворениях не элитарных поэтов были вариации модернистских программных текстов, а иногда и прямое копирование модернистов.

Особенно усердно осваивали поэтику Бальмонта:

Я — поэт для взалкавших немногих,
Я — поэт предпоследних ступеней,

Там, где света ползучие блики
Переходят в холодные тени
И шуршат на пороге.

(Борис Дубиновский «У порога»)

Я — горюч, едко-жгуч, как ланиты слеза,
Я — река, я — ручей, я — загадка речей,
Я — опал и рубин, аметист, бирюза...

(Симеон Маслюк «Ум и чувство»)

Я хотел бы быть дерзким и смелым,
Палящим над небом орлом,
Я хотел бы быть сильным, могучим,
Людей всех бессильных царем!

(Анатолий Иосель «Я хотел бы быть дерзким
и смелым...»)

Но рьяно подражали и Брюсову:

Ты мне в неотвратимом сне приснилась
И с дрожью радостной сошла творить обряд,
И было сладостно испить священный яд
И долго, долго стыть, пока ты возле тмилась.

(Алексей Ефременков «Из сонаты»)

А также Блоку:

Но вот приходит он таинственный,
И я бросаю танцевать,
Сажусь с тобою, друг единственный,
На эту яркую кровать...

(Анатолий Доброхотов «Проститутка»)

И Городецкому:

Дажбог, Дажбог,
Ты солнца бог,
Пролей нам свет
На много лет.

А ты, Перун,
Рази стрелой,
Кто нам, ведун,
Грозит бедой.

(Юлия Дроздова «Дажбог, Дажбог...»)

Своеобразную «книгу отражений» представляет собой сборник московского поэта Георгия Рыбинцева «Ожерелье из слез и цветов». Его стихотворения называются то Брюсовым:

И электрические луны
Висят над окнами домов.
Перехожу я мост чугунный,
Не слыша собственных шагов.

(«Брожу по улицам пустынным...»),

то Блоком:

В ресторанных накуренных залах
Звенят бокалами, гнусавят скрипки.
Поймет ли та, кому я шлю улыбки,
Больной ужас желаний усталых.

(«В ресторане»)

Один же текст и вовсе может показаться наглым плагиатом блоковского «Балагана», а на самом деле, по-видимому, является слегка наивной попыткой использовать стихотворение Блока как осто́в для собственного поэтического высказывания, опытом соотнесения своего мироощущения с блоковским:

По рыгвинам ухабистой дороги,
Волнуя бережно седой туман,
Плетутся скорбно траурные дроги,
Влача мой полинялый балаган.

В углу грустит с букетом из жасмина,
В костюме вышитом нуждой пестро —
Подруга униженья — Коломбина,
Боясь встревожить сонного Пьеро.

За ними — ужас мук и неудачи,
А там — кривлянье, тот же мертвый смех.
Чуть тащат балаган худые клячи
Для сладостных забав и для утех.

Но, может, к старости — влача чуть ноги,
Поймешь, что все, что было там — обман,
И бросишь с отвращеньем при дороге
Свой полинялый, пестрый балаган.

(«Балаган»)

Не отвлекаясь более на отдельные, хотя бы и самые очевидные цитаты из модернистов у не модернистов, отберем из общего числа прочитанных нами книг массовых поэтов те, в которых встречаются эпиграфы из произведений модернистов. Расположив имена модернистов в получившейся таблице иерархически — в зависимости от частотности их упоминания в не модернистских книгах, мы получим возможность увидеть, кто из элитарных поэтов повлиял на массовых стихотворцев по-настоящему ощутимо:

Поэт-модернист	Книги не модернистов, в которых встречаются эпитафии из этого модерниста	Общее количество книг, в которых встречаются эпитафии
Бальмонт	А. Виноградов «Птица Радости и птица Печали»; Н. Вороновский «Шелесты жизни»; Д. Горбов и Э. Великовский «Стихи»; А. Жуковский «Струны дрожащие»; А. Журин «Вечные мгновенья»; М. Исакова «Мои стихи»; Н. Мазуркевич «Ранние грезы»; С. Маслюк «Символы — признаки моей души»; М. Стремин «Замкнутый круг»	9
Брюсов	А. Виноградов «Птица радости и Птица печали»; М. Гартвельд «Ночные соблазны»; А. Горностаев «Глубоким утром (Песнопения)»; А. Ефременков «Florilegium: Стихи; Баркаролы; Элегии; Эротика; Арабески; Мирный сон; Ноктюрн»; С. Маслюк «Символы — признаки моей души»; А. Романовская и Д. Рем ¹⁶ «Морские камешки: Стихотворения»; Н. Севастьянов «Ргімасатіпа: Тридцать пять стихотворений»; М. Стремин «Замкнутый круг»	8

А. Блок	А. Барышев и Б. Плетнер «Жестокость и тайна: Стихи и проза»; А. Виноградов «Птица радости и Птица печали»; М. Гартвельд «Ночные соблазны»; А. Горностаев «Глубоким утром (Песнопения)»; А. Хоминский «Обман»	5
Э. Гиппиус	М. Исакова «Мои стихи»	1
Городец-кий	А. Виноградов «Птица радости и Птица печали»	1
Гумилев	М. Гартвельд «Ночные соблазны»	1
Мережковский	Н. Феоктистов «Стихи»	1
С. Парнок	М. Исакова «Мои стихи»	1
Пяст	Ф. Эсаул «Стихотворения»	1
Сологуб	М. Стремин «Замкнутый круг»	1

Что обращает на себя внимание в этой таблице? Во-первых и в главных — само наличие среди не модернистов (пусть — тонкой, но действительно существовавшей) прослойки стихотворцев, испытывавших модернистское влияние: 18 авторов из 258 нами прочитанных (более 7%). Во-вторых —

солидный отрыв Бальмонта, Брюсова¹⁷ и Блока от остальных модернистов, чьи стихи выбирались для эпиграфов массовыми поэтами в 1913 году. Собственно, их воздействие на массовую словесность мы и предлагаем считать безусловным и значительным. В остальных же семи случаях приходится говорить о влиянии того или иного модерниста на конкретного автора-немодерниста. И, наконец, в-третьих, особо отметим достаточно широкий географический разброс книг не модернистов, представленных в таблице: кроме Москвы и Петербурга местами издания этих книг числились Киев (дважды), Юрьев, Пятигорск, Звенигородка, Омск и Чернигов.

Теперь вернемся к базовому для нашей работы разделению всех русских стихотворцев 1913 года на массовых поэтов и модернистов и сопоставим их книги между собой по нескольким критериям. Эти критерии таковы: наличие или отсутствие портрета (или фотографии) автора в книге, наличие или отсутствие авторского предисловия к книге, наличие или отсутствие разбиения книги на разделы, наличие или отсутствие датировок под стихотворениями.

Предварить это сопоставление мы бы хотели важной оговоркой, которую, наверное, следовало

бы сделать чуть раньше: занесение того или иного поэта в разряд представителей массовой литературы или модернистов иногда бывает сопряжено с немалыми трудностями и даже с неизбежными отступлениями от реальной историко-литературной картины эпохи. Ведь некоторые из наших авторов пытались осторожно освоить модернистскую поэтику, не порывая в то же время с взрастившей и питавшей их массовой словесностью. Как с массовыми, так и с элитарными поэтами кое-кто из них был связан и биографически. Это в разной степени справедливо по отношению не только к тем девятнадцати авторам, о чьих книгах мы говорили только что, но также (как минимум) и по отношению к Николаю Агнивцеву, Аркадию Гурьеву¹⁸ и Дмитрию Цензору¹⁹ (в этой работе все они далее включены в ряд массовых поэтов). Но ведь подобные случаи как раз и подтверждают выдвигаемую нами гипотезу: границы между модернизмом и не модернизмом в 1913 году оказались уже сильно размытыми, особенно на периферии модернизма и массовой литературы.

А теперь приведем полученные нами и систематизированные в таблицу результаты для книг стихов массовых поэтов:

**233 книги (83% от общего количества книг,
вышедших в 1913 году)**

Портрет или фотография автора	В 21 книге из 233	9% от всех книг массовых поэтов
Авторское предисловие	В 17 книгах из 233	7,2% от всех книг массовых поэтов
Разбиение на разделы	В 47 книгах из 233	20% от всех книг массовых поэтов
Датировки под стихотворениями	В 25 книгах из 233	10,7% от всех книг массовых поэтов

Эти результаты могут восприниматься как фон для обследованных по тем же параметрам книг модернистов:

**47 книг (17% от общего количества книг,
вышедших в 1913 году)**

Портрет или фотография автора	В 4 книгах из 47	8,6% от всех книг модернистов
Авторское предисловие	В 4 книгах из 47	8,5% от всех книг модернистов

Разбиение на разделы	В 17 книгах из 47	36,1% от всех книг модернистов
Датировки под стихотворениями	В 10 книгах из 47	21,2% от всех книг модернистов

Мы видим, что модернисты в 1913 году пре-
взошли массовых поэтов в использовании всех про-
стейших средств преобразования *сборника* стихов в
концептуально оформленную *книгу* стихов, кроме
портрета, предваряющего книгу (который массовы-
ми поэтами использовался на 0,4% чаще). Более
того, в плане выразительности некоторые из фото-
графий не элитарных стихотворцев, предварявшие их
книги, ничем не уступают портретам, открывавшим
книги модернистов. Достаточно будет указать на
фотоизображение пожилой поэтессы «народно-па-
триотического направления» Надежды Броницкой
в роскошном кокошнике, или на эффектный фо-
топортрет молодого денди, украшавший книгу уже
цитировавшегося нами в разделе о графомании сти-
хотворца фон Бока, или на фото мудрого ласкового
старика, которым открывался сборник И. М. Ра-
децкого «Из мрака к свету и любви (Песни скорби
и гнева)», или на портрет с подписью: «Алексей
Петрович Ковалев (в берете Дижонского Универси-
тета)», сопровождавший книгу стихов этого автора

«Пажьи напевы», или, наконец, на фотографию поэта Ф. Воронцова в белоснежном фартуке и с топором. Подпись под фотографией, помещенной на титульной странице воронцовской книги «Наброски из жизни мясника», гласила: «Мясник или самоучка. Поэт Ф. И. Воронцов. Получил ВЫСОЧАЙШЮЮ благодарность за сочин<енный> Акростих».

Что касается авторского предисловия, то здесь модернисты оторвались от массовых поэтов совсем ненамного — всего на 1,3%. Это объясняется легко: предисловие к книге, чаще всего выполнявшее роль текста, растолковывающего читателю художественные намерения автора, широко использовалось старшими символистами, однако к началу 1910-х годов оно потеряло для модернистов значительную долю своей привлекательности. Избранная публика, для которой предназначались модернистские книги, уже и безо всяких предисловий была подготовлена к восприятию авторского собрания лирики как «большой формы» поколением Бальмонта и Брюсова, а затем — Блока и Белого²⁰.

Гораздо чаще массовых поэтов русские модернисты в 1913 году распределяли стихотворения в своих книгах на озаглавленные или неозаглавленные разделы — разница составляет целых 16,1%. При этом (как было показано в другой нашей статье)²¹

в период с 1888 по 1912 год модернисты разбивали свои сборники на разделы еще усерднее. Напрашивающийся вывод: тяготение к макроциклизации — один из существенных и отчасти дифференцирующих признаков модернистской книги стихов.

Разительным в нашей таблице выглядит и зазор между количеством модернистских и не модернистских книг с датированными стихотворениями. Он составляет 10,5%. Объясняется такая существенная разница в первую очередь тем, что младшее поколение модернистов как раз в интересующий нас временной отрезок активно осваивало различные вариации книги — лирического дневника с ее почти неизбежными хронологическими привязками всех стихотворений. В частности, в 1913 году были изданы столь яркие образцы стихотворных книг, тяготеющих к дневниковой форме, как «Первая пристань» Василия Комаровского, дебютное издание «Камня» Осипа Мандельштама, «Пятьдесят лебедей» Бориса Садовского и «Из двух книг» Марины Цветаевой.

Необходимо, однако, отметить, что отдельные, не складывающиеся в систему попытки освоить форму поэтического дневника предпринимались в 1913 году и представителями массовой словесности. Так, напри-

мер, только что упомянутый Ф. Воронцов риторически вопрошал читателя в стихотворном «Предисловии» к своей книге:

Не желаете ли, кстати, вы
Прочитать и мой рассказ,
Мои записки дневника
Про жизнь, подробно мясника,
Образ жизни их, ученье
И притом здесь разъясненье...

А еще один поэт-дилетант, А. Замятин, выпустил в Минске небольшую книгу «Венок», в которой все стихотворения были выстроены в хронологическом порядке, датированы и в итоге образовывали единый дневниковый сюжет. Описание знакомства лирического героя с будущей женой перетекало в книге в историю их любви и семейной идиллии, а затем — в трагический рассказ о смерти жены от внезапно открывшейся болезни.

Тут самое время сказать несколько слов о художественных поисках некоторых массовых поэтов, которые велись «параллельно» с модернистами, а изредка даже упреждали модернистские творческие открытия.

В частности, именно массовыми поэтами в начале 1910-х годов разрабатывался тот тип книги, кото-

рый всерьез заинтересовал элитарных ленинградских писателей для взрослых и детей лишь в 1920-е годы. Мы говорим о своеобразном рецидиве новой «натуральной школы», то есть о книгах представителей различных социальных, профессиональных или каких-либо еще сообществ, написанных с использованием характерной профессиональной или жаргонной лексики и рассказывающих читателям о самых разнообразных аспектах жизни этих сообществ²². Из достаточно многочисленного списка подобных книг, изданных в 1913 году, сейчас выделим поэтический сборник Ивана Бабина «Охота и природа: Охотничьи стихотворения и статьи», книгу «Стихотворения» А. В-ия, составленную из медицинских историй с говорящими заглавиями («На холере», «Препаровочный зал», «Ночное дежурство» и проч. в том же духе), изданную журналом «Образование пчеловода» книгу стихов М. Горбатова «Улей», а также подробно описывавшую быт заключенных книгу И. С. Булахова «В стенах тюрьмы»:

Тюремный паек и тюремные щи
Наскучили мне беспредельно,
И, тщетно стараясь в них мясо найти,
Ныряю я ложкой бесцельно.

(«Разочарованный»)

Эй, ребята, не толпись,
Что вы как бараны?!
Стремный, к месту становись
Зорь за лягашами.

(«Оплошали (Фабрикация игральных карт)»)

В этот ряд, безусловно, вписывается и книга стихов Ф. Воронцова «Наброски из жизни мясника», из которой здесь процитируем полностью одно стихотворение — «Бойцы»:

Еще есть много мясников,
Что на бойне бьют быков.
Много их и также разных
От делов разнообразных.
У них свои есть образцы,
Быков бьют — то есть бойцы,
Телят колет — тот телятник,
Свиной шпарит — то свинятник.

Туго знает каждый дело
И берется так умело,
Кто башку быку ломает,
Со сторон кто подлукает;

И не боле пять минут,
Точно пить быку дадут,

Все так чисто, аккуратно,
На все ученье-свет понятно.

Хоть я мясник, но не хвалюсь,
Быка зарезать не берусь,
Я с этим делом не знаком,
Свиной не шпарил, не колол.

И право же, хоть я не трус,
Писать же больше не берусь
Про ихний образ, про порядки,
Не попало, чтоб нарядки.

Извольте вкратце образцы,
Кто такой есть и бойцы.

Временно отвлекаясь от демонстрации новаций массовых поэтов в области составления и издания ими своих книг, отметим, что процитированный текст Воронцова кажется нам интересным не только в качестве примера стихотворчества поэта-мясника²³, но и как оттеняющий те датированные 1913 годом эпатажные опыты двух левых акмеистов — Михаила Зенкевича и Владимира Нарбута, в которых и бойцы скота, и сам убиваемый скот безудержно (де) эстетизированы. Чтобы было понятно, о чем идет речь, процитируем целиком стихотворение Зенкевича «Бык на бойне»:

Пред десятками загонов пурпурные души
Из вскрытых артерий увлажняли зной.
Молодцы, окончив разделку туши,
Выходили из сараев за очередной.

Тянули веревкой осовелую скотину,
Кровавыми руками сучили хвост.
Станок железный походил на гильотину,
А пол асфальтовый — на черный помост.

Боец коротким ударом кинжала
Без хруста крушил спинной позвонок.
И, рухнувши, мертвая груда дрожала
Бессильным ляганьем задних ног.

Потом, как бритвой, полоснув по шее,
Спускал в подставленные формы шлюз.
В зрачках, как на угольях, гаснул, синяя,
Хребта и черепа золотой союз.

И словно в гуртах средь степного приволья
В одном из загонов вздыбленный бык,
Сотрясая треньем жерди и колья,
В углу к годовалой телке приник.

Он будто не чуял, что сумрак близок,
Что скоро придется стальным ногам —

С облупленной кожей литой огрызок
Отрезанным сбросить в красный хлам.

И я думал, смиряя трепет жгучий:
Как в нежных любовниках, убойную кровь
И в быке каменолобом ударом созвучий
Оглушает вечная рифма — любовь!²⁴

Как видим, творческие установки двух авторов — не модерниста и модерниста — были диаметрально противоположными: Воронцов, как мог, пытался уберечь читателя от самых неприятных подробностей работы бойца скота. Хотя ему и не удалось совсем обойтись без страшных строк («Кто быку башку ломает, // Со сторон кто подлупает»), чуть ниже деликатный поэт-мясник предпринял попытку нейтрализовать шоковое читательское впечатление ссылкой на аккуратность и слаженность деятельности своих собратьев по ремеслу. Задача Зенкевича заключалась в том, чтобы поразить читателя обилием кровавых подробностей как можно сильнее, иначе финальное слово стихотворения не прозвучало бы так «оглушающе» неожиданно.

Пользуясь случаем, приведем еще один любопытный и совсем уже частный пример независимой разработки массовым поэтом, испытавшим влияние модернизма той же темы, что и автором-модерни-

стом, — стихотворение Милия Стремина «Февральское», целый ряд мотивов которого (не говоря уже о размере и типе рифмовки — четырехстопный ямб, АВАВ) перекликается с шедевром раннего Бориса Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать...»:

Сегодня день совсем весенний:
Подтаял снег, журчит капель,
Открыты настежь двери в сени,
Перед окном воды купель.

Неудержимое веселье
Собак, сбежавших со двора.
И, словно встретив новоселье,
Шарманщик заиграл с утра.

Мостки неверны, мокры, хлипки,
Перед воротами ухаб...
И расплываются улыбки
На круглых лицах встречных баб.

Охвачен радостным порывом,
Весь от волнения дрожу,
И далеко — каким-то дивом —
В мечтах не званных ухожу.

Сажусь, — пишу слова привета
И адресую в Сан-Ремó,

Не дожидаясь ответа
На прежнее свое письмо...

И стихотворение Пастернака, и стихотворение Стремина начинается с констатации внезапного наступления весны в феврале, продолжается мысленным облетом окрестностей, а завершается рождением спонтанного и в этом подражающего природе текста.

Возвращаясь к разговору об авангардном для своего времени устройстве некоторых русских не модернистских книг, назовем имена еще двух авторов, чьи сборники стихов, выпущенные в 1913 году, кажется, не имеют аналогов в тогдашней издательской практике. В книге «Зáмок моей души» первого из этих авторов, Иннокентия Жукова, фотографии вырезанных им же из дерева скульптур сопровождаются стихотворными подписями вроде следующей: «— Вот “Карл Иванович” стоит и смотрит виновато: почтеннейший вчера немножечко “того”, и я ему грожу шутливо пальцем». Во второй книге — «Пластические этюды. Стихотворения для “Танцев под слово”», — автором которой был Александр Струве, ключевые глаголы движения иллюстрируются фотографиями специально приглашенных танцовщиц и танцовщиков. Сам Струве гордо заявлял

в предисловии к сборнику: «Выпуская в издательстве Б. В. Решеке настоящую книжку, я хотел положить начало художественной литературе, созданной специально для сочетания слова с пластикой и танцем, в будущность которого я совершенно определенно верю».

В заключение этого раздела и отчасти как о курьезе упомянем еще о восьмистраничной книжечке стихов маленькой девочки, Лиды Шаховской, изданной в Москве ее любящими родителями. Стихотворения Лидиной книжечки, например, такое:

Что из Лиды с Сергеем стало?
Таких деток не бывало, —
И прилежны, и умны,
И совсем не шалуны.

(«Перерождение шалунов»)

было бы небезынтересно сравнить как со стилизаторскими опытами в этом роде, вошедшими в сборник Марины Цветаевой «Из двух книг», так и со стихами еще одной настоящей девочки — Зины В., включенными в откровенно экспериментальную поэтическую книгу Алексея Крученых «Поросята».

Современность в поэтических книгах 1913 года

Теперь попробуем представить набросок к целостной картине российской современности 1913 года, как она отразилась в тогдашних книгах стихов. Но подробности и пестроты, увы, избежать не удастся — слишком уж разнородные стороны русской жизни привлекали внимание наших авторов. И еще одно уточнение: ключевые темы отечественных стихотворений, которые мы далее попытаемся выявить, с вариациями являлись таковыми для нашей словесности примерно от начала 1906 года и точно до дня вступления страны в Первую мировую войну.

С отношения поэтов к войнам, которые велись Россией в относительно недавнем прошлом, и с их

оценок войны в целом как явления, пожалуй, и начнем. Это отношение предстает несколько неожиданным, особенно если иметь в виду бурный ренессанс ура-патриотической поэзии в августе следующего, 1914 года.

Пока же лишь самые отъявленные шовинисты были настроены кровожадно. Едва ли не как исключение из общего правила выглядят даже следующие вполне невинные строки о Русско-японской войне 1904 года:

Пусть будет море нам могилой,
А все ж «Варяг» не будет взят...

вылившиеся из-под пера провинциальной поэтессы, посчитавшей нужным вынести на обложку своей книги стихов такую самоаттестацию: «Верноподданная Нижегородская потомственная дворянка Надежда Авдеевна Кубаровская».

Преобладали же совершенно иные, миролюбивые и даже антивоенные, пацифистские настроения. Во многих стихотворениях изображались страшные последствия русско-японской и иных войн:

Как не скорбеть за эти жертвы боя,
За эти ужасы случайностей войны,

Где гибнут родины безмолвные сыны,
Сраженные изменчивой судьбою?!

(П. Гайдебуров «Как не скорбеть за эти жертвы
боя...» — стихотворение датировано 1904 годом)

Рука ль моя ты, рученька,
В Манчжурии земле.
Безрукенького, ноченька,
Баюкай и лелей.

(С. Городецкий «Безрукий»)

Как бедная чайка над сирым гнездом,
Так мысль моя ныне грустит об одном,
И в горьких слезах повторяет она
Позорное, страшное слово — война.

(А. Доброхотов «Война»)

В чем бессилен Крупповский снаряд —
Ты танцуя проскользнешь!

(А. Крученых «Плясовая» — из книги «Возрощем»)

В немой тиши, среди полей,
Когда мечтает чуткий сад,

Я слышу залпы, взрыв гранат
И стоны гибнущих людей.

(С. Семенов «Во время войны»)

Однако чуть дело доходило до конкретных и совсем недавних исторических обстоятельств, миролюбие многих авторов куда-то улетучивалось. В частности, очень сильно некоторых из них будоражил славянский вопрос и Балканы:

На радость нам — врагам на горе
Ручьи славян с родных Балкан
Сольются дружно в Русском море,
С ним образуя океан.

(М. Аксенов «1912»)

Малютка-Сербия сумела показать,
Что не страшна ей Австрия-старуха...

(Н. Броницкая «На современные темы
(Нечто вроде басни)»)

Темной лентой, вереницею.
Без конца, за рядом ряд
Войско резвою Марицею
Шло в суровый Цареград.

(С. Гедройц «На Балканах»)

Он грудь открыл — в ней были раны, —
Удары пули и штыка...
Он защищал в бою Балканы!!
И грудью шел он на врага!!

(С. Кошкарров «Болгарин» — из книги «Звездочка»)

Меж тем, там льется кровь, горят родные села,
Неконченных работ оставлены дела;
Чтоб узел разрубить их векового спора,
Славянская семья на смертный бой пошла.
Там где-то на горах, там где-то на Балканах,
Идут, идут опять отряды орд диких,
Чтоб показать еще на близких нам славянах
Вражду свою к Кресту, к свободе для других...

(П. Шацких «Война»)

Теперь довольно жертв мученья
Коварно-злых мусульман;
Раздайся грозный голос мщенья
За кровь невинных христиан!..

(И. Шепелев «Посвящается Славянам»)

В бой за волю, в бой кровавый
Мы спешим издалека.

Все идем на смерть, быть может,
Но назад уж никогда.

(Д. Шепель «Славяне»)²⁵

Тем не менее общее распределение на охранителей и колебателей устоев среди поэтов, выпустивших книги стихов в 1913 году, было далеко не равномерным — последние явно преобладали. Более или менее аккуратно завуалированные тираноборческие мотивы, а также героизированные портреты революционеров и революционерок с легкостью отыскиваются во многих книгах:

Здесь, опьянен огромностью мечтаний,
склонялся лоб вольнолюбивой Тани,
и с завистью к летящей в небе птице
она мечтала о большой столице,
о миллионах побежденном горе,
о Шлиссельбурге, Степняке, терроре,
о курсах Лесгафта, о чем-то красном,
о чем-то лучезарном и неясном...

(Р. Бравский «О, сколько тихой надмогильной
грусти...»)

Но час придет, — и новый Муций
на пламя руку возложу,

иль шею протяну ножу
в годину шумных революций.

(Он же «Я современник, я сын века...»)

Разве можно молчать, когда стоны людей
По отчизне родной раздаются?..
Разве можно смотреть, со спокойной душой,
Когда слезы рекой везде льются?

(С. Ганьшин «Разве можно молчать?..»)

Дитя мое, пышную елку
Не в силах устроить тебе...
Мы после ту елку добудем
В труде и упорной борьбе.

(А. Доброхотов «Мише»)

В Пресненском доме четырнадцать было
Запертых в камере вместе со мной.
Песни веселые пели уныло...
Молча сияла весна за стеной...

(А. Журин «Товарищи. Посвящается товарищам
по заключению»)

Надо быть поэтом нежным,
Но при встрече с гнетом черным

Надо в песне быть мятежным —
Непокорным, непокорным!

(С. Кошкарров «В дни унынья, в дни печали...» —
из книги «Звездочка»)

Светло звучал напевный гром
О буреизвестнике свободном,
И на ристалище народном
Братался барин с босяком;
В те дни кровавых баррикад,
Переходя к делам от песни,
Не строил с ужасом на Пресне
Ожесточенный демократ.

(А. Липецкий «Надя Данкова»)

В прошлом видишь страницы кровавые,
Нитью красною шьются теперь...
Но стучись — и отворится дверь,
И падут с пьедестала лукавые.

(Лесовик «Не брани мою песню случайную...»)

Ваши действия грубы, вульгарны,
Ваши помыслы — подлы, коварны, —
Вы отраву несете народу —
Вы казните святых за свободу...

(И. Радецкий «Торжествующим мракобесам»)

Клянү я своих палачей —
Проклятие бьется о камень,
И гаснет в душе моей пламень
Под звуки проклятых цепей...
Клянү я своих палачей.

(М. Соин «В тюрьме»)

Я высоко свободы знамя
Там разверну среди снегов,
На зло наглежащих врагов
И подо льдом взовьется пламя!

(В. Терновский «Послание другу с этапа» —
из книги «В снегах; Карское море и его льды»)

Слышишь стон? Не средь барских палат
Эти звуки нашли свой приют.
Это тяжкие цепи звенят,
Это люди по тюрьмам поют.

(Ф. Филимонов «Слышишь стон? Не средь барских
палат...»)

Голоса консерваторов, проклинавших революцию и восхвалявших правящий режим, в русских поэтических книгах 1913 года звучали гораздо реже:

Страна вся превращается
В какой-то ад земной,
И это называется
Свободой и весной.

*(И. Бабин «Весна 1906 г.» —
из книги «Стихотворения»)*

Народной совести препоны
Взялись порвать попы Гапоны,
И пастырь до того дошел,
Что, крест подняв, сам бунт повел.
Со всех сторон при прессе вольной
Расти стал заговор крамольный,
Он шел, коварно говоря
Про все свободы Октября.
И вот под хмельными парами
Подонок, поднятый врагами,
На бунт волной кипящей встал —
И грянул вал, — девятый вал!..

*(Он же «Весна осеннюю порою» —
из книги «Стихотворения»)*

И дети мрака, эти гады*
Доныне между нас живут,

---

* С позволения сказать, я так называю гг. революционеров и террористов (примечание Н. Броницкой).

Россию губят без пощады
И сети гнусные плетут.

(Н. Броницкая «Памяти царя-освободителя»)

В дни революции факты доказали,
Что офицерство закаленной стали:
Опасность родины, приказ Царя
В сердцах их будит долг богатыря.
В дни испытаний, в годы лихолетий
Они, как нежно любящие дети,
Стояли грудью грозно у кормила
Верховного Вождя, — их не смутила
Растерянность властей — гражданских лиц,
Упавших пред бунтующими ниц.

(И. Заржицкий «В дни революции факты доказали...»)

Спасительной отдушиной для поэтов и читателей, исповедовавших консервативную идеологию, могло бы стать пришедшееся на 1913 год трехсотлетие дома Романовых, которое широко отмечалось в стране и прославлялось в великом множестве стихотворных произведений, вошедших в стихотворные книги. Удручающее однообразие почти всех этих текстов позволяет нам здесь ограничиться лишь несколькими характерными (или забавными) примерами:

Любящих армию, народ
Цариц обеих — Мать, Супругу,
Храни, Господь, из года в год,
Не дай Их посетить недугу.

.....

Всех награди святой любовью
К Царю, к Отчизне дорогой,
Чтоб были рады своей кровью
Им дать величье и покой.

(М. Аксенов «Молитва»)

Помни Тулец, как святыню,
Ты завет, нам данный встарь:
В небе — Бог, нам мать — Россия,
А над нею — Белый Царь.

(Полк. Кончевский «Боевая песня-памятка
72-го пехотного Тульского полка: 1769—1913 гг.
Варшава, 1913»)

Сегодня Володя лениво вставал,
Чудесный свой сон он опять вызывал,
Картинки истории русской земли
В душе его прочно вчера залегли.
Красивую книгу папаша привез,
В пунцово́й обложке, с тиснением из роз.

«О царстве Романовых», папа сказал,
И с сыном ее целый вечер читал.

(Н. Кузьмина «Сон маленького патриота»)

С Ним сольемся для ловитвы
В сети счастья — не Содом.
Все к Царю мы обратимся
И дадим мы все обет,
Что до поту потрудимся
И поддержим Руси свет.

(Свящ. В. Лузанов «К 300-летию Дома Романовых»)

И вот под властью Николая
Пришла желанная пора:
Настал и для родного края:
Век просвещения и добра...

(К. Ростовцев «О, Русь. Гряди вперед без страха...»)

Все дело, однако, в том, что юбилейные словесия дому Романовых еще совсем необязательно свидетельствовали о консервативном настрое поэтов-прославителей. Так, например, С. Акимова, дежурно воспевшая Романовых в стихотворении «1613—1913 гг.», вошедшем в ее книгу «Песни старости»:

И род Романовых стране
Дал много доблестных царей,
Покрытых гением
Великого Петра!

включила в эту же книгу и совсем другую «песню»:

Просыпайся, толпа терпеливая,
Ты, великий рабочий народ!
Пусть богатство и знатность спесивая
Твое грозное слово поймет...

(«Октябрь 1905 г.»)

Преобладали голоса демократически настроенных авторов и в тех стихотворениях из книг 1913 года, в которых трактовался национальный вопрос. Это были преимущественно стихотворения поэтов-евреев, выразительно изображавшие страшные погромы и призывавшие русский народ к толерантности и милосердию. Упомянем тут о книге К. Бархина «Гроза и ночь», а еще из двух подобных сборников, Б. Гуревича и С. Дайтмана, процитируем несколько строф:

Кого-то убивали на глазах его детей;
Фонари горели тихим, ровным светом;
Библия раскрытая глядела на людей
Радостным и благостным приветом!

Кого-то убивали на глазах его детей.
Били долго, медленно и слегка сопели...
Девушка кричала, что он не еврей,
А мальчик тупо стоял у колыбели.
(Б. Гуревич «Кого-то убивали на глазах его детей...»)

Русь — не одна только вера. Есть мать наша
общая — Русь;
Тихо за каждое поле, за каждую травку молюсь.

Там на просторах усталый и грустный живет
Кроткий народ-богоносец, правдивый и добрый
народ.
(Он же «Русским шовинистам»)

Ужели новый год твои умножит слезы
И даст тебе лишь новый ряд невзгод?
Когда же над тобой рассеется угроза
И оживешь, как встарь, истерзанный народ?
(С. Дайтчман «К своему народу»)

Этим книгам в 1913 году русские поэты-шовинисты смогли противопоставить разве что книжонку стихотворных фельетонов В. Пуришкевича «Административные типы», в которой, впрочем, национальная тема не была главной, хотя время от времени неизбежно и возникала:

И видит в том лишь утешенье,
Чтоб, путь избрав разнузданных газет,
Правительство на целый мир ославить,
Себя на пьедестал поставить,
Сказав еврею — «Я кадет!»

От тем политических перейдем к социологическим. Для начала отметим удивительное единодушие, проявлявшееся всеми нашими авторами (как охранителями, так и демократами), когда они противопоставляли привольную жизнь в деревне и на природе суетливому существованию в городе:

Не по душе нам песенки
Городские, холодные...
У нас свои есть песенки —
Сердечные, народные!

(С. Кошкарёв «Не по душе нам песенки...» —
из книги «Для народа»)

От родных полей,
От родных лугов
Увезли меня
С молодых годов —
В город, в сторону
Чуждедальнюю,

В люди отдали,
В жизнь печальную.

(И. Устинов «Песня девушки»)

Носится облако пыли и смрада,
Грудь надрывается — нечем дышать.
В поле уйти бы от этого ада,
Дальше б куда убежать.

(Ф. Филимонов «На фабрике»)

От электрического света,
От шумной уличной тоски
Нашел я отдых у поэта,
В предместье, в доме у реки.

(Д. Цензор «Луна»)

Писать, однако, большинство поэтов 1913 года предпочитали о жизни города (столичного или провинциального), иногда проклиная и высмеивая ее, иногда же — внимательно, с тайной или явной любовью присматриваясь к ее обыденным неприметным подробностям:

К гнилым и кривым телеграфным столбам
Подтяжки, подпорки все ставятся,

Не новость — друзья, безобразие нам,
Но думать об этом не полагается.

С яичного склада желоб спущен,
В Чечеры помои сливаются;
На это нашел архитектор закон,
Где думать об этом не полагается.

(Д. Безрукавников «Не полагается»)

Плит тяжеловесных мерные квадраты.
Золотые вывески над узором штор.
Цифры преёскурантов, пальцы и плакаты.
Мраморные доски обществ и контор.

(В. Винкерт «Главная улица (Кантата в честь провинции)»)

Полутьма, полусон. — Разговор у «кафе».
Изнуренные тени летят в «кабаре»,
Изнуренные тени снуют по Морской,
И над городом виснет задор напускной
С бесконечной тоской.

(В. Гущик «Белые ночи»)

Стаканы опенены пивом.
Вобла, горошек, сухарь.

Желтая, сизая, серая гарь.
Стойка с лиловым отливом.

(И. Евдокимов «В портерной»)

О, город сумрачный, холодный и туманный,
Я проклинал тебя, но я тебя люблю!..
О, мрачный исполин, чудовищный и странный,
Ты задушил в своих камнях мечту мою!

(А. Жуковский «Город»)

Здесь груды валенок и кипы кошельков,
И золото зеленое копчущек.
Грибы сушеные, соленье, связки сушек,
И постный запах теплых пирожков.

(В. Комаровский «Рынок»)

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды
Грузные в шесть этажей.

(М. Цветаева «Домики старой Москвы»)

С темой города была тесно связана и чрезвычайно волновавшая авторов различных направлений в 1890—1910-е годы тема самоубийства. В книгах

1913 года мы часто находим сниженный, в духе «жесточкого романса» вариант ее раскрытия:

Душа младая отлетела,
Но прах лежит еще в цветах,
И смерть на нем запечатлела —
Последний ужас и свой страх!
Рука с револьвером вздрогнула...
Раздался выстрел... — смерть в виске!..
Она последний раз вдохнула
Здесь в ужасающей тоске!..

(А. Барсов «Смертный страх» — из книги «Скорбные мотивы»)

Белоснежною рукою
Она перекрестилась
И тут скрылась под волною.
С горя утопилась.

(А. Богатырев «Утопленница» — из книги «Гибель "Титаника" и проч.»)

Шутка была для него роковой.
Вынестъ не мог он, — покончил с собой.

(П. Дюваль «Шутка»)

Но встречается этот мотив и в бытовых городских зарисовках, а один раз (в первом из нижеприведенных примеров) — в обличительном обращении к нижним офицерским чинам:

Фельдфебель, взводный, где вы были,
Когда он в муках изнывал?
Вы дух устава позабыли:
Никто в нем сына не видал.

(М. Аксенов «Самоубийство — грех великий...»)

Последний раз привет бросаю,
Прости мой мир угрюмых дум,
Иду туда, куда не знаю —
Сомненье жжет — слепой самум...

(М. Нефедов «Самоубийца»)

И будущее кажется вам пошлым...
Чего же ждать? Но — морфий или выстрел?..

(Игорь Северянин «В березовом Котэдже»)

Тяжела ль была жизнь беспросветная,
как осенняя, мрачная мгла,
иль глубокая грусть безответная
тебе камнем на сердце легла?

(Т. Н-я «На могиле самоубийцы»)

Родители днем отдыхали.
Вдруг начали в доме кричать:
— О, дочь, ваша дочь... — И молчали,
Боялись как бы досказать.
Родители тотчас узнали
В биеньи родимых сердец...
И с криком на двор побежали,
И плакал, как мальчик, отец.
Чужие толпились в прихожей,
Был шепот сочувственный груб.
Вносили, прикрытый рогожей,
Девичий заплаканный труп.

(М. Фарбер «Происшествие»)

Особо отметим «Сборник стихотворений» поэта-самоубийцы И. И. Иванова, изданный стараниями его родственников и друзей²⁶.

Как сугубо городскую можно рассматривать и большую тему «Торжество технического прогресса», чрезвычайно актуальную для поэтических книг 1913 года. При этом, как водится, одними авторами прогресс восторженно воспевался, другими — с горечью разоблачался. В качестве яркого примера реализации первой позиции приведем несколько отрывков из цикла В. Мазуркевича «Песни прогресса», вошедшего в его книгу «Старые боги»:

Человек, создавший птицу,
Птицей сделавшийся сам,
Обгоняющий орлицу
Быстрым взлетом к небесам!

(«Аэроплан»)

Кто обозначил пределы
Дерзостной мысли людской?
Яркие молнии стрелы
Мечет она за собой.

(«Беспроволочный телеграф»)

Ведь в этом ящике дубовом —
— Моя любовь — твоя душа!

(«Граммофон»)

Вторую позицию проиллюстрируем зачином стихотворения А. Невской «Нижний Новгород (Невеселые думы)»:

Ныне люди умней, —
Все хитрят и мудрят:
Сколько разных затей
Отовсюду глядят:
На парах мы летим
По земле, по воде, —

Электричеством мним
Покорить все себе;
И, подобно орлам,
Вознесясь над землей,
По воздушным волнам
Мы скользим с быстротой.
Хоть дела хороши,
Да любви нет живой;
Не согреешь души
Ведь наукой одной.
Телефон, телеграф
Хоть сближают людей, —
Стало меньше стократ
Неподкупных друзей.

Большой простор для всевозможных метафорических спекуляций и обобщений противникам прогресса и цивилизации предоставила гибель гигантского парохода «Титаник» весной 1912 года. Упомянем тут дилетантское стихотворение А. Богатырева, давшее заглавие одной из его поэтических книг 1913 года — «Гибель “Титаника” и проч.», а из двух других текстов на эту тему, напечатанных в стихотворных сборниках 1913 года, приведем два отрывка:

По синим волнам океана
Гигантский Титаник летел,

Летел, не боялся тумана,
Опасности знать не хотел.

*(М. Кокшар «Гибель Титаника 7-го апреля 1912 года» —
из книги «1613—1913. “Святая Русь”. Дела давно
минувших дней... Книжка для чтения народу»)*

Недолго агония длилась:
Раздался мучительный крик,
И в недрах бездонного моря
Навеки исчез Titanic.

(Н. Таубе «Titanic. Поэма в 4-х частях»)

Краткий реестр конкретных научно-технических изобретений человечества, описанных в русских поэтических книгах 1913 года²⁷, начнем с телефона, который, кроме стихотворения А. Невской, упоминается еще у двух авторов, причем у первого из них он сатирически изображается как плохо оправдывающее себя средство:

В телефон кричишь — скандал.
Жди там час ответа.
А преступник, он удрал
И виновных нету.

(Л. Бунов-Таль «Виновных нет»)

Сама подошла к висячему телефону
И обо всем сообщила удивленному мужу.

(В. Шершеневич «Городское» —
из книги «Экстравагантные флаконы»)

Плохо работающий граммофон был помещен в
центр юмористического четверостишия П. Налима:

Слышен у нас жалкий стон:
«Не годится граммофон...»
Без рупора только шипит
И временами говорит...

В тех двух стихотворениях из книг массовых поэтов 1913 года, в которых речь заходит о кинематографе, отношение к нему авторов оказывается неоднозначным — волшебный мир кино и манит, и пугает своей иллюзорностью, стремлением подменить собою мир подлинных человеческих переживаний и ценностей:

В кинематографе народ
Порой так шумно восторгался,
Порой мечтал и забывался,
Картин, волнуясь, ждал вперед.

(А. Зямятин «Венок»)

Все смешалось — люди, тени,
Правда жизни, сказки, ложь,
Трепет сладостных видений
И предсмертных вздохов дрожь...
Все метется, все мигает,
Эфемерно все, как сон...
Что же мир наш ожидает
И к чему стремится он?

(И. Понятовский «Синематограф»)

Подобная двойственность в отношении к кино совершенно отсутствовала у футуристов, вменивших себе в обязанность воспевать технический прогресс в качестве одного из символов грядущего дня. В частности, Игорь Северянин пытался сымитировать и таким образом освоить поэтику нового искусства в стихотворении «Июльский полдень (Синематограф)», а Вадим Шершеневич в специальном стихотворении хвалился знанием сокровенных технических (что в данном случае означало и метафизических) подробностей кинопоказа:

Прихожу в кинемо; надеваю на душу
Для близоруких очки; сквозь туман
Однобокие вальсы слушаю
И смотрю на экран.

Я знаю, что демонстратор ленты-бумажки
В отдельной комнате привычным жестом
Вставляет в аппарат вверх тормашками,
А вы все видите на своем месте...

Как перевертывается в воздухе остов
Картины и обратно правильно идет,
А у меня странное свойство —
Я все вижу наоборот.

Мне смешно, что моторы и экипажи
Вверх ногами катятся, а внизу облака;
Что какой-то франтик ухаживает,
Вися у потолка.

Я дивлюсь и сижу удивленно в кресле,
Все это комично; по-детски; сквозь туман
Все сумасшедше; и мне весело
Только не по-Вашему, когда я гляжу на экран.

(«Рюрику Ивневу» — из книги «Экстравагантные флаконы»)

Он же в одном из своих стихотворений не упустил возможности изобразить движение лифта:

Поднимаюсь на лифте... В гробу фарфоровом
Вы лежите утонченней!

(«Панихида» — из книги «Романтическая пудра»)

А еще один стихотворец левого толка, Илья Эренбург, в своей парижской книге стихов «Будни», явно зависимой от практики ругаемых им в ту пору футуристов, ухитрился посвятить целое стихотворение транспортному средству, которое в России в 1910-е годы вообще отсутствовало:

Под землю было душно, пахло мылом,
Душно было, страшно, тяжело,
Поезда, скользя по черным жилам,
Выбегали и шипели зло.

(«Мэтрополитен»)

Зато автомобили в стихах петербургских и московских поэтов, как правило, изображались в качестве давно привычной, а иногда — изрядно поднадоевшей детали городского пейзажа. Так они описываются в финале «Петербургских строф» О. Мандельштама:

Летит в туман моторов вереница;
Самолубивый, скромный пешеход —
Чудак Евгений — бедности стыдится,
Бензин вдыхает и судьбу клянет!

И у мандельштамовского эпигона И. Евдокимова:

Промчится моциклетка
Со свистом в полный ход,
Под Троицкую сетку
Проскочит пароход.

Куранты крепостные
Проплачут над Невой,
Буксиры винтовые
Затянут встречный вой.

Вдыхаю гарь бензина,
И морщусь, и кривлюсь...
Быть может, под машину
Я на торец склонюсь!

(«Прогулка»)²⁸

Сходно автомобили изображались многими другими столичными авторами, причем почти всегда подчеркивалось, что их много, что они шумны и что они суетливо быстры, как сама современность:

Не красным Клаусом старинного поверья,
В щеголеватом новеньком пальто
Идет в толпе. Навстречу шляпы, перья.
Грохочут фьякры, фыркают авто.

(Н. Брандт «Прогулка палача»)

Скользят коляски; мимо них,
Гудя, летят автомобили;
Но строго, у коней своих,
Литые юноши застыли.

.....

Гудя, лети, автомобиль,
В сверканье исступленных светов...
Вдали Адмиралтейский шпиль
В огне закатном, фиолетов.

(В. Брюсов «Вечернее катанье»)

Вереницы экипажей,
Камионы, автобусы,
И трициклы, и моторы,
Вкривь, и вкось, и вдоль, и в ряд;
Рев гудков, и брань, и споры,
И бубенчики, как бусы,
С шеи кляч спадая, в раже
Необузданном звенят.

(С. Рафалович «Бульвары»)

Люди шли, неслись машины,
Мир рождался, умирал...
Но покой хранил старинный
Неизменный, старый зал.

(А. Струве «В этом доме есть колонны...» —
из книги «Отражения»)

Бульварных ясеней вершины
Шуршат... Внимаешь чей-то шаг ты,
Потом в ответ шипящим шинам
— Копыт отчетливые такты.

(В. Эльснер «Пантомима»)

Ветер взносит хлопья пыли
С едкой, грязной мостовой,
И жужжат автомобили,
Как густой осинный рой.

(И. Эренбург «Сумерки» — о Париже)

Чтобы остранный автомобиль и воспеть его как удивительную диковинку, понадобилась неумная энергия провинциальных русских куплетистов:

Летит стрелой автомобиль,
Пуская смрад, вздымая пыль,
На нем купец Н. Н. несется,
Вдруг крик — в крови прохожий бьется,
Автомобиль свалил его...
Купца в участок тащат прямо.
Суд, штраф и гласность... ничего!
Зато — прекрасная реклама!

(В. Кауш «Реклама»)

Везде и всюду разговор:
«Испортился уже мотор;
Нет в городе больше гула —
Фортуна его заснула...»

(П. Налим «Везде и всюду разговор...»)

В экипаже на колесах шины,
И в кредит он выписал машины,
Все по городу хлопчет,
И под нос себе бормочет:
Тресни, но держи фасон.

(Н. Турченко «Тресни, но держи фасон»)

Или же — ничуть не меньший запас энергии, которым, безусловно, обладали футуристы:

Потому что вертеться веки сомкнуты,
Потому что вертеться в тюль автомобили...

(К. Большаков «Иммортель» — из книги «Сердце в перчатке»)

Хотите ли, чтобы перед вами
Жонглировали словами?
На том же самом бульваре

В таксомоторе сегодня ваши догадки
Бесплатно катаю, милостивые государи.

*(К. Большаков «Милостивые государи,
сердце разрежьте...» — из книги «Сердце в перчатке»)*

Автомобиль подкрасил губы
У блеклой женщины Карьера...

*(В. Маяковский, «Рассказ о влезших на подмосток...» —
из книги «Требник троих»)*

Затянут в черный бархат, шоффер — и мой
клеврет —
Коснулся рукоятки, и вздрогнувший мотор,
Как жеребец заржавший, пошел на весь простор,
А ветер восхищенный сорвал с меня берет.

(Игорь Северянин «Фиолетовый транс»)

Бесшумно шло моторное ландо
По «островам» к зеленому «пуанту»,
И взор Зизи, певучее рондо,
Скользя в лорнет, томил колени франту...

(Игорь Северянин «Зизи»)

Не повезут поэта лошади, —
Век даст мотор для катафалка.

На гроб букеты вы положите:
Мимоза, лилия, фиалка...

(Игорь Северянин «Мои похороны»)

Колоратурен и дик миговой
Моторов вой.

(В. Шершеневич «На бульваре» —
из книги «Экстравагантные флаконы»)

А я люблю только гул проспекта,
Только рев моторов, презираю тишь...
И кружатся в строфах, забывши такты,
Фонари, небоскребы и столбы афиш.

(В. Шершеневич «Фривольные диссонансы» —
из книги «Экстравагантные флаконы»)

Милая, как испуганно автомобили заквакали!

(В. Шершеневич «День моих именин!» —
из книги «Экстравагантные флаконы»)

...Горсть крупного, тяжелого бисера
Рассыпал передо мною мотор.

(В. Шершеневич «Верю таинственным мелодиям...» —
из книги «Экстравагантные флаконы»)

В качестве привычной и шумной приметы большого города автомобиль во многих стихотворениях соседствует с трамваем. Исключение — последнее из далее цитируемых стихотворений, в котором зимний трамвай движется бесшумно:

О всем, что знали и любили,
Не умолкая никогда,
Лепечет гром автомобилей,
Звонят трамваев провода.

(А. Горностаев «Средь лязга, скрежета и стуков...»)

Вот отзвенел трамвай. Умчались
Автомобили, лихачи,
И в город стаями ворвались
Нездешней белизны лучи.

(С. Городецкий «Петроградские видения»)

Солнце. Моторы. И грохот трамвайный.
Гулы. Шуршанье бесчисленных ног.
А наверху — голубой и бескрайний,
Бледный, магический, древний цветок.

(Д. Крючков «Круг повседневности» —
из книги «Падун немолчный»)

Я слышу робкий звон бегущего трамвая,
Доносится колес неутомный шум,

Как будто силится, шумливо пробегая,
Прервать прямую цепь тяжелых, мрачных дум.

(М. А. «Сумерки»)

Я шел, тоскуя.
Звонки трамваев звучали глухо;
Летели искры от липкой стали;
Был хаос жизни. Сновали люди.

Шипя скользили автомобили,
И пахло гарью.

(М. Нефедов «Кошмар»)

Беззвучно движутся трамваи,
Шипят на мерзлых проводах.
Бегут моторы, развевая
Воздушно-белый, снежный прах.

(Д. Цензор «Петербург»)

Но трамваи описывались и сами по себе, причем, в отличие от автомобилей, они никогда, даже у футуристов, не были окутаны в стихотворениях поэтов 1913 года романтической или инфернальной дымкой — до 1921 года и «Заблудившегося трамвая» Гумилева оставалось еще целых восемь лет:

...Но судьба нас, рукою суровой,
Разбросала с усмешкой хмельной!..
— Ах, у вас был билет — до Садовой,
У меня же, увы, — до Сенной!!!

(Н. Агнивцев «Трамвайная любовь»)

На маленьком трамвайчике,
Из дремлющей тайги,
С морковкой едут зайчики
От бабушки Яги...

(Б. Богомолов «Лесные туристы»)

Из зелени пропыленной заглядывая
На улыбнувшийся тобой бульвар.
Смеясь, идешь трамвайной проволокой обрадован,
Мой Август, на избитый тротуар.

(К. Большаков «Августу» —
из книги «Сердце в перчатке»)

Картина шестнадцатая, это московский трам-
вай, ходи, гляди и не зевай, а то спаси Бог
живо останешься без ног, а то и без головы, а
ведь это не так ловко, дома могут быть жена,
ребятки, а тебе вдруг отрежут голову или пят-
ки...

(«Веселый раек дедушки Пахома»)

В чугунном гремящем трамвае
Я мчался с тоской непонятной,
Мечтая о ласковом мае
В долине цветов ароматной.

(А. Доброхотов «В трамвае»)

Томления неясные
От сердца отгони,
Зеленые и красные
Трамвайные огни...

(Б. Дубиновский)

Отвяжитесь, шалопаи,
Надоели, пристают.
«А зачем у нас трамвай» —
Дети вновь вопрос дают.

От детей чтоб отвязаться,
Мать такой ответ дает:
«Если хочет кто кататься
То того трамвай везет».

«Мы кататься не желаем» —
Заявляют дети ей.
«Мы видали, как трамваем
Задавило двух людей».

(П. Дюваль «Дети XX века»)

Сначала Надю занимали
Столичной жизни пестрота,
Трамвай, движенье, суета,
Чугунный Петр на пьедестале
Над живописною Невой
И пароходов бег живой...

(А. Липецкий «Надя Данкова»)

Фокусник
Рельсы
Тянет из пасти трамваев...

(В. Маяковский, «Пестр как фо-...» —
из книги «Требник троих»)

На углу у переулка
Опустелый ждал подъезд.
Пронеслись трамваи гулко.
Были нежны взоры звезд.

(Б. Садовской «Не любовь ли нас с тобою...»)

Напротив, авиация и авиаторы во всех без исключения стихотворениях, вошедших в книги 1913 года, изображались с восторгом и подъемом — в этом пункте разница между модернистами и не модернистами, столичными жителями и провинциалами стиралась. Часто описываемая в таких стихотворениях

гибель авиатора только добавляла героичности в общую картину, иногда невольно предвосхищая образность «Осеннего крика ястреба» И. Бродского:

Все пролетает, как быстрая птица,
Как аэроплан над землей...

(К. Большаков «Все пролетает, как быстрая птица...» —
из книги «Lefutur»)

Взмотреть вверх, уснуть на пропеллере,
Уснуть, сюда, сюда закинув голову,
Сюда, сюда, где с серым на севере
Слилось слепительно голубое слово.

(К. Большаков «Аэромечта» —
из книги «Сердце в перчатке»)

Если что еще мне нравится,
Это — вольный аэроплан.
Хорошо б, как он, направиться
В беспредельность синих стран.

(В. Брюсов «Если что еще мне нравится...»)

Надо мною неба легкая эмаль,
Подо мною дремлет водяная сталь.
Шелестит пропеллер в вышине небес,
И Борей затихший чуть колышет лес.

А вдали, где реет дымчатый туман,
В высоте белеет птицею «Форман»,
А над ним красивой розовой каймой
Тихо догорает запад золотой.

О безумный летчик, ищущий богов,
Ты сразиться с ними с высоты готов!
Ты стремишься к солнцу жаждою мечты,
Ты желаешь новой чистой красоты.

Нет, безумец, солнца не достичь тебе,
Твой конец начерчен в гаснущей судьбе.
Ты сегодня гений, завтра властелин,
Но в душе усталой ты — один, один.

(Н. Вороновский «Авиатор»)

У меня есть крылья, крылья вольной птицы, —
Полечу навстречу я лучам денницы...

(Н. Грамматчикова «Авиатору»)

Приветствую тебя, отважного пилота,
Прими восторга дань посильную мою, —
В величественный миг блестящего полета
Гимн с Музою моею я в честь тебя пою.

*(П. Голощапов «Авиатору.
Посвящается П. В. Голубову»)*

Садись на мой аэроплан, —
Мы полетим за облака,
Куда вознес главу Монблан,
Где так лазурь небес близка!..

(В. Жарко «Садись на мой аэроплан...»)

На воздушной колеснице
Над ковром лесов и нив
Ты летаешь выше птицы,
Прихоть ветра подчинив.

(А. Журин «Авиатору»)

Я в Твердь лететь хочу,
И мысль я ввысь крылю,
Мечусь, учусь, учу...
Во сне, в огне киплю!

(П. Кокорин «Аэропланские стихи»)

Я я я футурист песнебоец
Пилот-авиатор
Эластичным пропеллером
Ввинтил облака

(В. Каменский «Я я я футурист песнебоец...»)

Вперед! — осолнечен пропеллер,
Стрекочет, ветрит и трещит.

Моторолет крылит на север,
Где ошестинен бора щит.

(Игорь Северянин «На летуне»)

Я непосредственно сумею
Познать неясное земле...
Я в небесах надменно рею
На самодельном корабле!

(Игорь Северянин «Не мне в воздушных книгах
черпать...»)

Высоко-высоко над простором полей,
В поднебесной, прозрачной дали,
То не птица летит, мощной грудью своей
Рассекая эфира струи.

Но на птицу похож тот стальной аппарат,
И движенья его так легки,
Так же плавны они, и на солнце блестят
Его крылья, так снежно-белы.

(Н. Таубе «Посвящается картине
“Полет с пассажиром”»)

Над землей, где в страстном ожиданьи
Вся толпа в молчаньи замерла.

Он парит весь в солнечном сиянии,
С царственной смелостью орла.

(Т. Н-я «Авиатору»)

В победный век великих откровений
Стал слишком стар былых творений план,
И мы желаем лучших совершений
Затем, что есть теперь аэроплан.

Пример: пилот, — прообраз всесторонца,
Зажавший рот твердивших в унисон:
Полет — для птиц, — стремится ближе к солнцу,
Как мы, быть может, солнцем увлечен.

(П. Широков «Итог»)

У них была своя забота,
Свои печали будних дней...
Слетел к ним в образе пилота
И... умер некий чародей...
И разбудил их задремавших...
Пугливо сетуя, они
Вдруг крылья высоко летавших
В себе почуяли в те дни.

(П. Шацких «Толпа и летчик. (На могилу авиатора).
Полет 15 августа 1911 года в г. Ельце»)

Из модных спортивных увлечений начала 1910-х годов в книгах стихов 1913 года благодаря Валерию Брюсову (который не меньше футуристов любил оказываться первооткрывателем новых, никогда до него не разрабатывавшихся тем) упоминаются ролики:

Скетинг-ринг залит огнем,
Розы спят на нашем столике,
И, скользя, летят кругом
С тихим, звонким скрипом ролики.

(«На скетинге»)

А в двух стихотворениях 1913 года речь заходит о футболе; в первом — мимолетно, в соседстве с цитатой из «Ревизора» Гоголя и упоминанием о большом теннисе; для второго стихотворения футбол был выбран главной темой:

И вот, засунув ручки в брючки.
Благонадежен и душист,
Стал вылезать на свет, по штучке,
Академист! Академист!

Пришел он правой стороною,
Пришел, понюхал и — ушел:

Наука — нечто ведь иное,
Чем лаун-теннис и футбол!..

(Н. Агнивцев «Успокоение»)

Футбол, футбол!
Вот первый гол
Взлетает ввысь.
Гордись, гордись
Чьей силы дар
Ноги удар
Опасность отвратил,
Когда от сил
Отстав, он мяч
Опередил и вскачь
По мятой зелени
Его к тени
Противника пустил!
Рукоплесканья.
Похвальные желанья
Первым быть
Их молодая прыть
Высказывает прямо,
И отроки упрямо
Оспаривают шар,
Пока вечерний пар
Их крепких ног

Не скрыл. Итог
Судьею оглашен;
Финала звон...
Так отроки милы,
Когда в пыли
Под зноем
Несутся роем
И мчит, как конь,
Их молодой огонь!
Забыв и «Ять»,
«Колы» и «Пять»,
Восторженно они сияют,
Пред зрителем мелькают
То сине-белым,
То ярко-красным
Одежды цветом...
Тогда приветом
Дальним Рима
Их бега кажется картина...

12 октября 13 г.

(А. Барановский «Футбол, футбол...»)²⁹

Если большинство русских поэтов, затрагивавших в 1913 году национальный вопрос, показали себя просвещенными членами общества, суждения тогдашних стихотворцев, касающиеся так называемого «женско-

А вот о таком явлении, как проституция, поэты-мужчины, выпустившие свои книги в свет в 1913 году, писали совершенно с разными интонациями.

От чуть ли не одобрения:

Быть верным женщине одной до гроба невозможно,
Красивее минутная любовь.
Любить я не хочу, такое чувство ложно,
А если захочу, — любовь куплю я вновь.

(В. Гиляровский «Я не хочу, чтоб женщина меня любила...»)

До праведного негодования (особенно при этом досталось главному петербургскому проспекту):

Здесь отравую разврата —
Развращают сестры брата,
Мать выводит дочь.
Здесь, на Невском каждодневно
Жизнь кипит отравой гневно, —
Смерть несет ей ночь...

(И. Радецкий «Невский»)

Разодета как царица
В драгоценные меха, —

Вот она, столицы львица,
Дочь позора и греха.

(В. Терновский «Ночью на Невском» —
из «Книги настроений»)

Очень часто эта тема эксплуатировалась бульварными виршеплетами в духе все того же «жесточкого романса»:

Я проститутка —
Дитя я горя:
Отец мой — голод,
А мать — нужда.
С неправдой жизни
Недолго споря,
Я долго билась
В тисках труда.

(В. Винкерт «Проститутка»)

Невинный ребенок играет
Весел беззаботен всегда;
Про мать ничего он не знает,
Не знает хлопот и труда.
Мамаша его проститутка
Торгует собой без стыда;

О, бедный, ты бедный малютка!
Жалею тебя я всегда.

(М. Гомонов «Невинный ребенок...»)

А на лице твоём юностью писаны
Горят роковые слова,
Продается с публичного торго,
Не зная людского стыда.

(С. Григорьев «Вольная дочь»)

Сиротой расти не шутка,
Особливо коль нужда,
Перед Вами — проститутка,
Осуждайте, не беда.

(П. Дюваль «Доля»)

Нередко в русских поэтических книгах 1913 года встречаются и бытовые сценки с участием проститутки, как бы предсказывающие типологически сходные эпизоды из рассказов позднего Бунина:

В маленьком номере дальней гостиницы
Все для торжественной встречи готово.
Шутка ль! Сегодня там две именинницы —
Две проститутки из Шклова!

(В. Винкерт «Именины»)

— Мужчина, ангел, проводите!
Вы не хотите? одна печаль...
Хоть папиросой угостите,
Коли не жаль.

(П. Гайдебуров «— Мужчина, ангел, проводите!..»)

Очень просто: встретились на улице,
Посмотрели, улыбнулись и пошли,
Шесть кварталов по какой-то улице,
На шестой этаж по лестнице взошли.

(И. Евдокимов «Проститутка»)

— Я полночная блудница.
Полюби. Пойдем сейчас.
— О, малютка! Ты зарница...
Я же... Я давно погас.

(Д. Цензор «Блудница»)

Эпатажное обобщение в духе ранних декадентов
сделал в одном из своих стихотворений 1913 года
Сергей Рафалович:

И, осилив трепет жуткий,
Заявлю перед Судом,

Что все люди — проститутки
И весь мир — публичный дом.
(С. Рафалович «Проститутка»)

Практически полное отсутствие в России начала 1910-х годов цензуры спровоцировало многих авторов, издавших книги стихов в 1913 году, попробовать свои силы в эротической поэзии.

Самые скромные ограничивались изображениями обнаженных красавиц в не фривольных ситуациях:

Вот стоит на возвышенье,
вот замедлилась немножко,
но потом — одно движенье,
и отстегнута застежка.
И, как пенный водоскат,
белый шелк к ногам скользит.
Обнаженная стоит.
(П. Соловьева «Перекресток»)

Я видел женщину нагую,
Когда, прекрасна и строга,
Вдруг раздробила гладь речную
Ее точеная нога.
(Н. Севастьянов «Июнь»)

Менее стыдливые описывали более рискованные ситуации:

Как, неужели муж у Вас,
Перед которым Вы, смущенная
Бесстыдным взглядом тусклых глаз,
Стоите нагло — обнаженная?

(Д. Крючков «Случайной» — из книги «Падун немолчный»)

Иной вздыхает глубоко
О ножках маленьких в трико,
О том, как фея карнавала,
Танцуя бешеное па,
Крутые бедра обнажала...

(А. Липецкий «Надя Данкова»)

В театры, картины
Те дети невинны
С охотой бегут.
Где видят лобзанье,
Секретны свиданья,
И портят их тут.

(Л. Лундин «Жизнь городская»)

Одеяло белоснежное —
Чистый, девственный покров,

Под тобою дева нежная
Спит в объятиях богов.
Ты, обвивши ноги стройные,
Грудь лилейную обняв,
Даришь ласки беспокойные,
Тело девы разметав.
Энойной негою разбитое,
Тело льнется и горит...
И глаза полузакрытые
Сладострастие томит.
Хочет вихря-наслаждения.
О! Как мучает жара!!
И тебе без противления
Отдается до утра.

(А. Шамонин «Одеялу»)

И обводили мутным взглядом
Певиц визгливые ряды,
Их бедра, груди и зады.

(И. Эренбург «Воскресный вечер»)

Им нагло брошенное семя
Уж укреплялось в глубине,
А он, довольный, в это время
Храпел на потной простыне.

(Он же «Первая ночь»)

Самые же «смелые» упивались подробностями любовных сцен и чувственных описаний. При этом разница между модернистами и массовыми поэтами, мастерами стиха и графоманами опять же оказывалась несущественной:

Приди с улыбкою наяды —
Тебя я жду в мерцанье свеч,
Приди и скинь свои наряды
И обнажи свой мрамор плеч.
Я расстегну шнуры на платье,
Я обнажу твой пышный стан,
И ты падешь в мои объятия,
В мой опьянительный вулкан.

(А. Балагин «Приди! (Из цикла «Цветы иллюзий»)»)

Измяты пышные цветы,
Одежды белые прелестной красоты
Рассеяны кругом небрежно,
И упоение страстию мятежно
Здесь сладостный нашло приют.
Здесь мил сердцам немой уют,
В нем Лидия в сиянье красоты,
На юноши стальную грудь
Раскинув кудри золотисты,
Вдыхала запах лип душистый.

(А. Барановский «Брызги»)

И безупречный алебастр девических грудей,
То две лампы светят мне на празднестве страстей.

Как кость слоновая — живот, и, торжество стиха,
Уводит грезу нежный грот, укрытый дымкой мха.

(К. Бальмонт «Два венка»)

Там поцелуи и вздохи объятий,
Тела бесстыдного радостный стон,
Горе отвергнутых смертных проклятий.
Бубна танцовщицы рокот и звон...

(А. Барышев «Любовь»)

Бесстыдно в нирване шелков утопая
Призывным волненьем роскошной груди,
Она разметалась, раскрылась на ложе
Непентой коварной, к безумьям спеша.
Сквозь гибкое, хищное тело слепая
Едва лишь украдкой дышала душа.

(Н. Брандт «Он и она»)

И снова ты, и на груди целованной
Мой поцелуй отметили сосцы.
Такой же юный, ты пошли уловы нам,
Твоей мы ночи ранние косцы.

(К. Большаков «И снова ты, и на груди целованной...» —
из книги «Сердце в перчатке»)

Сорви с себя наряд свой празднично-крикливый,
Одежд последних ткань я сам с тебя сорву,
Я потушу огни; как воин торопливый
Я страсти натяну живую тетиву.

.....

И вот мы на костре. Кровавыми кругами
Нас обступила тьма. Змеями ног и рук
С тобой соплетены, как чарами, как снами
Мы тьмою опоясаны для ада мук.

Мы сожжены, мы падаем в бессилье,
Как мира два сгорающих в друг друга мы...
Где пурпур нежных роз? Где свежесть белых лилий?
Где алость юных утр, рожденная из тьмы?

(А. Ефременков «Сорви с себя наряд свой
празднично-крикливый...»)

В змеиных сгибах сладострастных
Вопьюсь в твой стан я вновь и вновь,
Из жил трепещущих и красных,
Как хмель, я жадно выпью кровь.

(Капиталинская «Вампир»)

она невинная нагая
и капли блуда
в пляске зноя желанием роняя

сильнее пью дым кальяна
закрыв глаза смотрю
молчаньем говорю
в пустых объятьях
ее сжимаю
немую нежную нагую

(В. Каменский «она невинная нагая...»)

Ты была черноглаза,
Шаловливая Катя.
Развязались платья
Под защитою вяза.

Покраснев, ты молчала,
Стало сонно и сладко.
Жадный миг отвращала,
Сдвинув ноги украдкой.

Тонкий писк комариный,
Ты тепла и стыдлива.
Зеленеет крапива,
Жжет нам руки и спины.

(Г. Мейер «Ты была черноглаза...»)

В моих объятьях прижиматься...
Всем телом знойно... целовать...

Дыханью страсти отдаваться
И в наслажденье замирать.

Волшебной силой вдохновенья
Дышу при встрече я с тобой,
И дышит силой обольщенья
Прелестный стан полунагой...

И линиями, движеньем тела
Меня швыряла ты как пса...
Меня ты в страсть преобратила...
За то ж должна ты быть моя.

(А. Неврастенный «В моих объятьях прижиматься...»)

Я пальцы длинные целую,
Быть может рук, быть может ног...
Никто загадку их немую
Мне разгадать бы не помог...

И в темных чарах смутной мари
Кружась, как листья на воде,
Округлость двух я полушарий
Ласкаю — и не знаю: где?

Кругом обманны стали дали,
Обманны тени в терему:

К каким губам твоим припали
Мои уста — я не пойму...

(С. Рафалович «Загадка»)

Ты упала с томным стоном,
Звонко бросивши тимпан...
Тише, с шепотом влюбленным
К персям девы воспаленным
Припадает юный Пан.

(С. Соловьев «Вакханка»)

Поет душа, под осени berceuse,
Надежно ждет и сладко-больно верит,
Что он придет, галантный мой Экссесс,
Меня возьмет и девственно озверит.

(Игорь Северянин «Berceuse осенний»)

Люблю тебя, страсти весталка,
Красивая, злая шатенка,
Смеясь, и качаясь, и плача,
Ты молвила с блеском оттенка:
«Мой папа уехал на дачу,
Нас могут подслушать сквозь стенку!»

(А. Хоминский «В Одессе»)

Вместо подведения итогов к этому разделу нашей работы попробуем сменить оптику и очень коротко показать, что может дать читателю и исследователю рассмотрение той или иной конкретной книги стихов на выявленном нами тематическом фоне.

Примером послужит первое издание «Камня» (1913) Осипа Мандельштама.

Эта маленькая двадцатидевятистраничная книжка была издана без портрета автора, предисловия и разбиения на разделы. Тем более важна в ней композиционная роль датировок, которыми снабжены все стихотворения. В книге прослеживается тяготе-ние к точной календарной хронологии, лишь с двумя сбойми.

Общее впечатление от «Камня» как от поэтического дневника поддерживается неброским объединением всех стихотворений в пространственные группы (комната, лес, Петербург, внутреннее пространство великих соборов), а также дневниковыми зачинами некоторых из стихотворений («Сегодня дурной день...»; «Уже светло...»; «Целый день сырой осенний воздух // Я вдыхал в смятенье и тоске...»; «Я на прогулке похороны встретил // Близ протестантской кирки, в воскресенье...»).

Ключевые для 1913 года темы затрагиваются в первом издании дебютной мандельштамовской книги только в уже процитированном нами финале «Пе-

тербургских стрóf»: «Летит в туман моторов вереница...» и т. д. Лишь с большо́й натяжкой можно усмотреть отражение темы «Трехсотлетие дома Романовых» в стихотворении «Царское Село»³⁰:

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась, —
Не сомневаюсь — это князь...

Однако именно в 1913 году Мандельштам написал сразу несколько стихотворений, в которых последовательно и целенаправленно осваивал остро-современные темы, но в первое издание «Камня» эти стихотворения не включил. Вот эти темы и микротемы: кинематограф (стихотворение с одноименным заглавием), футбол и теннис (стихотворения «Футбол», «Второй футбол», «Теннис»), судьба династии Романовых (стихотворение «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...»), гибель «Титаника» (строки: «Забыв “Титаника” совет, // Что спит на дне, мрачнее крипта» из стихотворения «Американка»), самоубийство (финал «Летних стансов»: «И, с бесконечной челобитной // О справедливости людской, // Чернеет на скамье гранитной // Самоубийца молодой»).

Правдоподобное объяснение подобной тактики Мандельштама как автора и в то же время составителя своей первой книги стихов, как кажется, лежит в области истории борьбы и взаимодействия тогдашних литературных группировок. Мы уже имели возможность убедиться, что самыми рьяными энтузиастами актуальных для 1913 года тем были футуристы. Будущий же автор «Камня» как раз в этом году всерьез задумывался о вхождении, вместе с Михаилом Зенкевичем и Владимиром Нарбутом, в кубофутуристическую группу «Гилея». Такой альянс в силу различных причин не состоялся, соответственно, Мандельштам и в «Камень» (1913) свои остроактуальные стихотворения не включил — в акмеистическую программу воспевание технического прогресса вписывалось не очень органично.

Иными словами, или, если угодно, под иным углом зрения: некоторые из перечисленных в предыдущем абзаце мандельштамовских стихотворений, вероятно, правомерно будет считать его осторожной попыткой нащупать точки соприкосновения с футуристическим движением.

Так взглянуть на эти стихотворения Мандельштама позволило нам соотнесение их тем с главными темами русской поэзии 1913 года, намеченными и кратко проанализированными выше.

*Вместо эпилога:
русская поэзия
в 1916 году — эпитафии
из модернистов*

Теперь зададим себе еще один (и напрашивающийся) вопрос: что и как изменилось на панораме отечественной поэзии с течением времени?

Стремясь дать ответ, мы отыскали во все том же справочнике Тарасенкова — Турчинского описания поэтических книг, вышедших на русском языке в 1916 году — последнем году, когда отечественная словесность развивалась естественным путем, почти не испытывая мощного деформирующего воздействия государственного прессы. Таких книг мы насчитали 158 (34 авторов-модернистов и 117 авторов-немодернистов)³¹. 30 книг остались для нас недоступными³².

Экономя собственные силы, а также время читателя, мы решили в эпилоге сопоставить книги стихов 1916 года с поэтическими сборниками 1913 года только по одному критерию: наличие / отсутствие эпиграфов из модернистов к стихотворениям, вошедшим в сборники поэтов-немодернистов (или, если угодно, массовых поэтов). Не модернистами (= массовыми поэтами) мы по-прежнему будем называть тех авторов, чьи произведения не печатались или почти не печатались в модернистских изданиях и издательствах³³.

Для начала стоит отметить, что в поэтических книгах 1916 года, так же как и в стихотворных сборниках 1913 года, с легкостью отыскиваются грубые нападки не модернистов на «декадентов». В качестве примера можно привести стихотворение оренбуржца Льва Исакова «В “декадансе”», описывающее одно из «злачных» мест этого города:

Голые ноги мелькают,
Голые плечи дрожат.
Юбки на воздух взлетают,
Юбки как листья шуршат.

Словно цветами могила
Блещет наряд танцовщиц,

Но не скрывают белила
Язвы истасканных лиц.

Эноем разгула трепещет
Шнуром затянутый стан.
Бурно толпа рукоплещет —
Зритель и весел и пьян!

Ноги все выше мелькают,
Плечи сильнее дрожат,
Юбки на воздух взлетают,
Юбки как листья шуршат!

При этом массовые поэты, особенно провинциалы, явно не поспевали за стремительным развитием русского модернизма. Так, киевлянин Михаил Мукалов напечатал в своей книге 1916 года две пародии на Александра Блока, датируемые 1909 и 1912 (!) годами и в первой из них ничтоже сумняшеся обозвал автора «Стихов о Прекрасной Даме» и «Незнакомки» Алешкой Блохой.

Впрочем, одна из новейших поэтических модернистских школ в стихотворных книгах не модернистов тоже обличалась и высмеивалась.

В частности, уже цитировавшийся нами Мукалов поместил в своем сборнике такое задиристое

стихотворение с посвящением «футуристу Давиду Бурлюку»:

Футу — футуризм
Техникой стиха ужасной
Настоящий утопизм
Туфли бантом и атласный
Шарф — зеленый шарф
Задумали концерт для арф,
— Стихо — стихоплет
Рифмо — рифморот;
Все равно какой урод...

и т. п.

В прозаическом тексте Элеоноры Диксон, завершающем ее ташкентскую книгу стихов «Гюльхана», цинические барышни принимаются, «точно мячами, перебрасываться словами, которые можно услышать лишь среди извозчиков или... футуристов»; а А. Н. Фомин (отец) в своем харьковском сборнике «О поэтах и поэзии» гневно клеймил не называемого по имени поэта-эгофутуриста:

Многословно, многократно,
Все, что пишет он, ему

Одному лишь здесь понятно,
А другому никому!

Но он в силе, но он в духе
Пропаганды, что кричит
Меж юнцами о разрухе...
Что великим здесь грозит!

Что на их здесь пепелище
Царство, будто бы, создаст
Новой мысли... Жалкий нищий
Что в замен, он миру даст?

*(«О современном поэте (О футуристе,
эго-футуристе и проч.)»)³⁴*

Тем не менее в поэтических книгах не модернистов 1916 года, так же как в стихотворных сборниках не модернистов 1913 года, эпиграфы из модернистов встречаются несколько раз. Напомним, что в не модернистских книгах 1913 года мы выявили их у 18 авторов из 236 нами прочитанных (7,6% от всего количества авторов-немодернистов). Чаще всего эпиграфы брались в том году у **Бальмонта** (эпиграфы из него встречаются у 9 авторов), затем следовали **Брюсов** (8 авторов) и **Блок** (5 авторов). По одному разу для эпиграфов использовались произведения **Гиппиус**, **Городецкого**, **Гумилева**, **Мережковского**, **Парнок**, **Пяста** и **Сологуба**.

В 1916 году эпитафии из модернистов к своим стихотворениям взяли 14 авторов-немодернистов из 151 (9,2% от всех не модернистов, то есть на 1,6% больше, чем в 1913 году). Эпитафии из модернистов мы находим в книгах, изданных в Петрограде, Москве, Орле и Симбирске.

По одному разу авторы-немодернисты в 1916 году взяли эпитафии из произведений: **Иннокентия Анненского** (А. Биленкин «Роза во льду: Стихи»), **Анны Ахматовой** (А. Биленкин «Роза во льду: Стихи»), **Андрея Белого** (В. Городец «Пути души: Стихотворения»), **Вячеслава Иванова** (А. Гриневич «Стихотворения»), **Ивана Коневского** (Н. Ашукин «Скитания: 2-я книга стихов»), **Марии Моравской** (Б. Корнеев «Юность»)³⁵ и **Федора Сологуба** (Н. Ашукин «Скитания: 2-я книга стихов»).

Дважды в качестве автора эпитафии был выбран **Александр Блок** (А. Биленкин «Роза во льду: Стихи»; К. Арсенева «Стихи о жизни»), при том что отзвуки блоковской поэзии слышатся во многих стихотворениях авторов-немодернистов, вошедших в их книги 1916 года:

Прекрасной Даме мои лирезы
Помпезно в свертке подношу.
Я в сотни раз богаче Креза:
В груди моей огонь ношу!

Для вас, людей, лирезы — ломка,
А за проломом — новый свет.
Она, как прежде, — Незнакомка
И для нее запрету нет.

(Н. Черкасов «Лирезы»)

По вечерам, когда волокнами
Ложится сумрак при луне,
Идут перед моими окнами
Чужие люди в тишине.

(М. Файнберг «По вечерам, когда волокнами...»)

Трижды в стихотворных сборниках авторов-не-модернистов, вышедших в 1916 году, встречаются эпитафии из **Валерия Брюсова** (Н. Ашукин «Скитания: 2-я книга стихов»; О. Полярный (В. Дворяшин) «На зеленом кургане: поэзы для чтения в трамвае»; А. Коровин, В. Лебедев, Е. Перлин «Первая брошюра стихов» (эпитафия из Брюсова предпослан одному из стихотворений Е. Перлина))³⁶.

По-прежнему весьма популярным среди поэтов-не-модернистов оставался **Константин Бальмонт**. Эпитафии из его произведений находим у трех авторов (А. Сиротинин «С родных полей»; М. Файнберг «Стихи»; Н. Черкасов «Выше! Лиремы» — в по-

следнем случае для эпитафии были выбраны строки Шелли с указанием, что цитируются они в переводе Бальмонта). Кроме того, в нескольких поэтических книгах отыскиваются стихотворения, обращенные к Бальмонту и/или написанные о нем. Мы подразумеваем злобно-завистливый опус А. Фомина (отца) «А. С. Пушкин и Бальмонт»:

I

Говорят: «стихийны оба:
Пушкин с Бальмонтом вдвоем»...
Но здоровый ум в... одном!
И шипит бессильно злоба,
Как змея, в певце другом,
Что бахвалится у гроба
Над его отцом!

II

Ты стихийно так могучий,
Ты стихийно так велик,
Пушкин! ты, как из-за тучи,
В непогоду, солнца лик!
Две стихийные есть силы:
Гений творчества в одной
И докучливый, постылый

Дует ветер от другой...
Это, Пушкин, — сын твой хилый,
Нездоровый Бальмонт, злой!³⁷

И — два восторженных посвящения автору «Будем, как Солнце».

Первое принадлежит Е. Перлину:

Ты — дьявол упрямый, ты — Вихорь морей,
Ты — бездны морской обитатель,
Ты — ложный, волнистый, подвижный, как змей, —
Бездонно-влюбленный мечтатель!

(«К. Д. Бальмонту»)

Второе — Н. Чарковой:

Нежных, звонких, музыкальных
Много песен ты создал.
Серебристых и хрустальных
Слов чудесных наковал.

(«Бальмонту»)

Однако в книгах не модернистов 1916 года, в отличие от сборников массовых поэтов 1913 года, тройка самых влиятельных модернистов (Бальмонт, Брюсов, Блок) была решительно отодвинута в сто-

рону автором, набравшим беспрецедентную популярность в читательской среде как раз в 1913—1916 гг.

Мы, разумеется, имеем в виду **Игоря Северянина**.

Было бы преувеличением утверждать, что в сборниках 1913 года нельзя обнаружить следов его воздействия на стихи модернистов и не модернистов. Напомним, что Я. Коробов с А. Семеновским тогда издали книгу «Сребролунный орнамент», посвященную «автору “Громокипящего Кубка”». А Дмитрий Крючков обратил к Северянину восторженное стихотворение, вошедшее в сборник «Падун немолчный»:

Дорогой и пленительный Игорь!
Ты — воспевший Балькис и Менкеру,
Ожививший мне сладкую веру
В золотое веселие игор,
Ты — создавший ручьи между лилий,
Звоны радостных, новых созвучий —
Снова сердце мне нежно измучай
Устремлением дерзостных крылий!

(«Игорю Северянину»)

Но «Сребролунный орнамент» представлял собой собрание стихотворных пародий (причем не

только на Северянина), а Дмитрий Крючков был эгофутуристом, то есть северянинским соратником. Главное же для нас состоит в том, что приведенными примерами список обращений и отсылок к автору «Ананасов в шампанском» в книгах 1913 года едва ли не исчерпывается.

В не модернистских сборниках стихов 1916 года пародий на Северянина и всевозможных глумлений над ним отыскивается гораздо больше, чем в 1913 году, что косвенно свидетельствует о возросшей популярности автора «Мороженого из сирени...» среди массовых поэтов. Ведь еще Ю. Н. Тынянов рассматривал пародирование как один из случаев усвоения поэтики. Так, Николай Черкасов напечатал в книге «Выше!: Лиремы» свое «Толкование увертюры Игоря Северянина из “Ананасов в шампанском”»:

Сельдерей и петрушечка! Свекла, лук
и морковушка!
Удивительно даже, как тут мимо пройти!..
Ах, вам фруктов? Каких-с ананасов изволите?
В бакалейную лавочку потрудитесь зайти!

Дина Стож в сборнике «Забытая тетрадь» уличила в подражании Северянину автора книги «Цветы на свалке», молодого поэта Владимира Пруссака:

Пламя в сердце запылало
(«Игорь» спичку Вам поднес),
Все цветы оно пожрало
И... остался лишь «навоз».

(«Цветы на свалке»)

А Александр Тарасов именно любителя экзотизмов — Игоря Северянина — в первую очередь клеймил в стихотворении, обобщенно озаглавленном «Футуристам»:

Вам угодно отличаться, показать себя хотите,
Что себя вы в целом свете постоянно так черните?
<...>

Повыдумывавши массу самых глупых
выражений,
Написали очень много новых вы стихотворений,
Окрестив автомобили и галоши в «панталеты»³⁸.
И назвавши как-то дико все житейские предметы.

Но куда чаще в поэтических книгах 1916 года обнаруживаются вполне серьезные посвящения и обращения к Северянину, а также — в разной степени успешные попытки имитации его легко узнаваемого стиля. Иногда — почти рабские, пусть даже и без прямых ссылок на поэта:

Мы сидели над морем, в рубке бело-ажурной
Аметистово небо пылало вдали,
И опаловый перстень казался пурпурным
На руке вашей томной, как отблеск зари.

(В. Королевич «Паж королевы»)

Миг напряженности... Дыханье вечера...
Ты одеваешься в манто атласное...
Ты вся холодная, как холод глетчера,
А жизнь заставила быть нагло-страстною.

(А. Коровин «Миг напряженности... Дыханье вечера...»)³⁹

Позади только замыслы. Впереди воплощения.
А сейчас я бездействую... но со мной моя лень.
Лень! — какая красавица!.. и в каком отупении —
Обвилась и не движется: то сирена, то пень.

(Я. Сильв «Лень (под неостиль)»)

Иногда стихотворные подражания Северянину прямо обращены к нему или снабжены эпиграфом из него, как, например, одно из стихотворений в книге Нины Каратыгиной «Кровь животворящая» или послание Владимира Коробкова «Игорю Северянину»:

Парнас был скучен и пустынен,
Лелея прошлый трафарет,

И вдруг меж нас, как некий Минин,
Возник неслыханный поэт.

Или стихотворение Анатолия Микули «Золотой купидон. На мотив И. Северянина»⁴⁰; или послание Давида Хаита из его книги «Шрапнель страстей: лирионетты» «Игорю Северянину (Экспромт)»:

Умерли двое — Мирра и Фофанов...
Душу огрезив лиловью,
Кажете свету вы строфы новь,
Где расцветают любовью
Мирра и Фофанов.

Лавой души ослепленный,
Пьете улыбку вы и кофе нов,
Сердце же ранят влюбленное
Мирра и Фофанов.

Или его же стихотворение «Небожители», посвященное «Моему солнечному учителю Игорю Северянину».

Весьма показательно, что именем автора «Громокипящего кубка» открывается список поэтов-учителей в предисловии Аркадия Коровина, Василия Лебедева и Елизара Перлина к их «Первой брошюре стихов»: «Перед нами стояли колоссы модернизма, и мы безотчетно шли к ним. Это были: Северянин, Блок, Брюсов,

Бальмонт. И в наших стихах порой слышатся их мотивы, порой мелькают искры их настроений».

Отдельного упоминания заслуживает стихотворец Виктор Дворяшин, чье преклонение перед автором «Кареты куртизанки» отразилось даже в выборе собственного псевдонима. На обложках двух сборников Дворяшина, вышедших в 1916 году, красовалось — «Олег Полярный». Впрочем, подспудно здесь таилась и гордыня: Дворяшин хотел быть «севернее» самого Северянина⁴¹. Он воображал себя тем «Поэтом», явление которого Северянин предрек в своем «Прологе»:

Придет Поэт! Он близок, близок!
Он запоет! Он воспарит!

Эти строки Дворяшин-Полярный взял эпиграфом к стихотворению, вошедшему в его книгу «На зеленом кургане: поэзы для чтения в трамваях»:

Быть может, кто-нибудь с окраин
Мне скажет: подражаю я.
— Замечен мною Северянин,
К нему лежит стезя моя.

Он лучезарный мой предвестник,
Провозгласивший мой восход!..

Но я спою такие песни,
Что снег сиренью зацветет.

И подражать мне не угодно.
Бегу безличья, как чумы.
Кто виноват — что наши сходны
И грозы, грезы и умы!

Я перелью жасмин в напевы!
Из струнных слез вспеню вино!
В улыбки ландышей все гневы!
Мне многое свершить дано!

А еще одной своей поэтической книге, изданной в 1916 году («Зигзаги души: поэзы»), Дворяшин пред-
послал уведомление, трогательно и наивно переклика-
ющееся со знаменитыми объявлениями для издате-
лей, поэтесс и поклонниц, печатавшимися на задней
стороне обложек книг Северянина: «Г. Г. издатели,
желающие приобрести право на издание следующих
сборников Олега Полярного, а также организаторы
концертов в разных городах, желающие устраивать
выступления Олега Полярного, переводчики на ино-
стр<анные> языки, начинающие поэтессы и поэты и
поклонницы -ки, могут обращаться к нему по адресу:
Г. Кашин, Тверской губ. Село Введенское при Углич-
ской дороге, В. Дворяшину для Олега Полярного».

Так и встает перед мысленным взором грустная русская картинка: поздней слякотной осенью непризнанный гений Дворяшин-Полярный тоскливо сидит у окна в селе Введенском при Угличской дороге и в безумной надежде поджидает появления на грязной размокшей дороге толп поклонниц, поклонников и поэтесс или хоть издателей и организаторов концертов, на худой конец...

Итак, можно констатировать, что Игорь Северянин с его исключительно выразительными стихотворениями, в которых подлинно утонченное и модернистское причудливо скрестилось с вульгарным и низовым, стал идеальным посредником между двумя до того слабо соприкасавшимися мирами: русским модернизмом и массовой поэзией. Напомним, что именно в 1916 году в Москве была издана книга «Критика о творчестве Игоря Северянина», в которой были собраны отзывы о его стихах, принадлежавшие Валерию Брюсову, Сергею Боброву, Зинаиде Гиппиус и другим элитарным авторам.

Примечания

¹ Тарасенков А. К., Турчинский Л. М. Русские поэты XX века. 1900—1955. Материалы для библиографии. М., 2004. Неточные библиографические описания, изредка встречающиеся в этом замечательном справочнике, мы исправляли, никак специально этого не оговаривая.

² Вот их список в алфавите авторов, разбитый по двум группам: массовые поэты и поэты-модернисты (библиографические сведения о модернистах для наглядности выделены полужирным шрифтом): А. Б. Сборник стихотворений. М., 1913; А. Л. Ф. (*Искандер*). Стихотворения и миниатюры. Симферополь, 1913; Аврамов Е. П. Море и берег: Стихотворения и рассказы. СПб., 1913; Агнивцев Н. Студенческие песни: Сатира и юмор. 2-е изд. СПб., 1913; Акимова С. К. Песни старости. Стихотворения: Лирические, а также ко всем историческим юбилеям, на смерть Л. Толстого и Балканским событиям. Кн. 1—2. М., 1913; Аксенов <М. В.> Стихотворения. Кострома, 1913; Артамонов Мих. Когда звонят колокола. Иваново-Вознесенск, 1913; Артамонов Мих. Улица фабричная. Иваново-Вознесенск, 1913; Б. Зинаида. Пережитые песни. М., 1913; Бабин Иван. Охота и природа: Охотничьи стихотворения и статьи. Данков, 1913; Бабин Иван. Стихотворения. Данков,

1913; *Балагин А. С. (А. С. Гершанович) Огни сердца*. 2-е изд. Ташкент, 1913; *Барановский А. М. Брызги: Очерки, стихотворения*. Одесса, 1913; *Барсов А. А. Скорбные мотивы*. Кн. 1. Муром, 1913; *Барсов А. А. Семейный смех и его польза*. 25 басен. Кн. 2. Муром, 1913; *Барсов А. А. Игривые мотивы*. Кн. 2. Муром, 1913; *Бархин К. Гроза и ночь: Стихотворения*. СПб., 1913; *Барышев А., Плетнер Б. Жестокость и тайна: Стихи и проза*. М., 1913; *Безрукавников Д. Сборник стихотворений*. Воронеж, 1913; *Бекташев К. Силуэты*. Александровск, 1913; *Биншток М. Л. Мистрисс Крукс и Марк Твен перед судом общественного мнения*. СПб., 1913; *Богатырев А. А. Гибель «Титаника» и проч.: Новейшие стихотворения*. Камышин, 1913; *Богатырев А. Роковая минута или нечаянное убийство девушки*. Камышин, 1913; *Богатырев А. Стихотворения: Одинокий и проч.* М., 1913; *Богомоллов Б. Царевна-Зоренька*. Стихи детские. СПб., 1913; *Бок, фон. Аккорды души: Стихи*. СПб., 1913; *Бравский Р. Польнь: Стихи*. Париж, 1913; *Брандт Николай. Сагсеги; Темницы*. 4-я книга стихов. Киев, 1913; *Броницкая Надежда. Отголоски жизни*. Т. 1. СПб., 1913; *Булахов С. И. В стенах тюрьмы*. Тула, 1913; *Бунин И. Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихотворения: 1912—1914 гг.* М., 1913; *Бунов-Таль Лев. Горе быть женатым*. Херсон, 1913; *В-ий А. И. Стихотворения*. СПб., 1913; *Вакар М. Думы и песни*. СПб., 1913; *Васильковская Н. Васильки*. Сборник стихотворений и миниатюр. Курск, 1913; *Верещагин Владимир*. Стихотворения. СПб., 1913; *Винкерт Владимир*. От лучины к радио. Стихи. Херсон, 1913; *Виноградов А. Птица Радости и птица Печали*. Стихи. СПб., 1913; *Витман Ирина*. Снежинки. Калуга, 1913. Т. 1; *Владимирова Ада*. Дали вечерние. 1910—1912. СПб., 1913; *Власов-Окский Н. Родное*. Нижний Новгород, 1913; *Волынцева Я. Душа и тело: Опыт лирической новеллы в стихах*

в 10 главах с прологом и эпилогом и др. стихотворения. Кременец, 1913; *Вороновский Николай*. Шелесты жизни. Киев, 1913; *Воронцов Ф.* Наброски из жизни мясника. СПб., 1913; *Высоцкий К.* Апостол: стихотворения. Сувалки, 1913; *Гайдебуров П. П.* Стихи. СПб., 1913; *Ганецкий Н.* Изгнанник: Поэма и стихотворения. СПб., 1913; *Ганьшин Сергей*. Предрасветные песни. М., 1913; *Гартвельд Михаил*. Ночные соблазны: Стихи. СПб., 1913; *Гейнрихсен Николай*. Трепет зари. Верный, 1913; *Геон*. Между прочим. Сто стихотворений. СПб., 1913; *Гиляровский Владимир*. Стихотворения. М., 1913; *Голощапов П.* Стихотворения. Луга, 1913; *Гомонов М.* Песни неудовлетворенного сердца. Тифлис, 1913; *Горбатов М.* Улей. Стихотворения. Кострома, 1913; *Горбов Дмитрий, Эммануил Великовский*. Стихи. М., 1913; *Горностаев А.* Глубоким утром: (Песнопения). М., 1913; *Горский Владимир*. Черные ленты: Стихи. М., 1913; *Грамматчикова Н. И.* Песни сердца. СПб., 1913; *Григорьев С. В.* Пришла весна: Новые стихотворения. Саратов, 1913; *Григорьева О. В.* Песни сердца. Вып. 1. Ковно, 1913; *Гурвич С. Л.* Утренняя заря: Песни и поэмы: 1907—1912. М., 1913; *Гуревич Борис*. Народу моему. СПб., 1913 (на обл. 1912); *Гурьев Аркадий*. Безответное. М., [1913]; *Гусев А.* Стихотворения Александра Константиновича Гусева, крестьянина дер. Муравьева Мышкинского уезда. Вып. 1. Углич, 1913; *Гусев Владимир*. Стихи. Т. 3 (Сады). Киев, 1913; *Гуцик Владимир*. Сборник стихотворений. СПб., 1913; *Дайтчман У.* Скорбные аккорды. 3-е изд. Елисаветград, 1913; *Дедушка Пахом*. Веселый раек дедушки Пахома. М., 1913; *Днепрович Леон (Н. Чаров)*. Думы и песни: Стихотворения. Рязань, 1913; *Доброхотов Анатолий*. Песни воли и тоски: 1900—1912 (за 12 лет). М., 1913; *Дормидонтова В.* Стихотворения. Казань, 1913; *Драверт Петр*. Стихотворения: 1. Казань, 1913; *Дрожжин С. Д.*

Песни старого пахаря: 1906–1912. М., 1913; *Дроздова Юлия*. Стихи. Данков, 1913; *Дубиновский Борис*. Предутренние мерцанья: Стихи (1911–1913). М., 1913; *Дьяков Н.* Нашествие Наполеона: Отечественная эпопея: Поэма в стихах: К юбилею 1912. М., 1913; *Дюваль П.* Стихотворения. Вып. I. СПб., 1913; *Дюваль П.* Шансонетки: Пародии, куплеты и песни: (Для исполнения в шантанах). СПб., 1913; *Евдокимов Иван*. Городские смены: Стихи. СПб., 1913; *Евсеев Н.* Годы мятежные. Стихотворения. Новочеркасск, 1913; *Ефременков Алексей*. Florilegium: Стихи; Баркаролы; Элегии; Эротика; Арабески; Мирный сон; Ноктюрн. Кн. 1: (1908–1911). М., 1913; *Жарко В., Шепель Д., Юркевич Л.* Старые мотивы: Томик 1. СПб., 1913; *Жданов Л. Л.* Из прежних дней. М., 1913; *Жиркевич Александр*. Поправки к воспоминаниям Г. Ф. Скрипкина о процессе невинного страдальца архимандрита Зосимы: Шутка в стихах по серьезному делу. Вильна, 1913; *Жук В., Свеницкий А.* Песни любви и жизни. Самара, 1913; *Жуков Иннокентий*. Замок моей души: Поэма. М., 1913; *Жуковский А. В.* Струны дрожащие. Кн. 1. Юрьев, 1913; *Журин Александр*. Вечные мгновения: Стихи. М., 1913; *З. З.* Стихотворения. Кн. 4. М., 1913; *Замятин А.* Венок: Сб. стихотворений. Минск, 1913; <*Заржицкий И.*> Рикошеты: Записки ветерана: Стихи: Посвящается дамам военных. Варшава, 1913; *Зеленецкий Александр* (Allegro). Раздумье: Рассказы и стихи. СПб., 1913; *Зновицкий К.* Стихотворения. Вып. 2. Тульчин, 1913; *Иванов И. И.* Сборник стихотворений. СПб., 1913; *Иванов Родион*. Крымские грезы. Стихотворения. Кн. 3. СПб., 1913; *Иевлев М. А.* К Млечному Пути: стихотворения и поэмы. СПб., 1913; *Иоссель Анатолий*. Стихотворения. Ярославль, 1913; *К. Р.* В Египте. СПб., 1913; *Исакова М.* Мои стихи. СПб., 1913; *Касперович П. Н.* Самоусуд крестьян, или Казнь атамана разбойников: Драма в 3 д. Бо-

рисов, 1913; *Кауш В.* Рижская юмористика в «стишках»: Что Рига делает? Чем забавляется? Чему смеется? Рига, 1913; *Кашталинская (гр. Н. М. Стенбок).* Любовь и смерть. СПб., 1913; *Кильбах Отто Ф.* Миноры: Стихи. Одесса, 1913; *Кирья А.* Живой в могиле: (Песня монологическая). Ч. 1. Зугиди, 1913; *Князев Василий.* Жизнь молодой деревни: Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии. СПб., 1913; *Ковалев Алексей.* Пажьи напевы: Кн. песен. 1-е изд. Ростов н/Д, 1913; *Ковалевский Александр.* Петр Аркадьевич Столыпин и всероссийский ему памятник в Киеве: Очерк в стихах. Киев, 1913; *Козлянинова Т. Ф.* Стихотворения. Ялта, 1913; *Коковцев Д.* Скрипка ведьмы: 3-я кн. стихов. СПб., 1913; *Кокшар М. Э.* На рассвете христианства в Древней Руси: Поэма из времен языческого периода России. СПб., 1913; *Кокшар М. Э.* 1613—1913. «Святая Русь». Дела давно минувших дней... Книжка для чтения народу. СПб., 1913; *Колоколов П. А.* Брызги моря житейского: Рассказы, стихотворения, наброски. М., 1913; <*Колубанский Г.*> Скользкий путь: Стихотворение. Бийск, 1913; *Кончевский, полковник.* Боевая песня-памятка 72-го пехотного Тульского полка: 1769—1913 гг. Варшава, 1913; *Корнев Иван Меркулович.* Стихи и песни поэта из деревни. 1. М., 1913; *Коробов Иван.* Далекие огни: Стихи. М., 1913; *Коробов Я., Семеновский А.* Сребролунный орнамент. Владимир на Клязьме, 1913. Кн. Первая — Вторая; *Кошкаргов Сергей.* Светлые песни. (Посвящается памяти Н. Н. Златовратского). М., 1913; *Кошкаргов Сергей.* Первая ласточка. М., 1913; *Кошкаргов Сергей.* Для народа. Посвящ. памяти И. З. Сурикова. М., 1913; *Кошкаргов Сергей.* Звездочка: Стихотворение. М., 1913; *Крандиевская Наталия.* Стихотворения. М., 1913; *Крестьянов В.* Словник Мока и Мишук у себя дома. СПб., 1913; *Кубаровская Надежда.* «Семнадцатое мая 1913»: Его Высочеству Наследнику и

Великому Князю Алексею Николаевичу. Н. Новгород, 1913; *Кузьмина Нина*. Дням ранней юности: Стихи. Ставрополь, 1913; *Лесовик*. Стихи и проза. Кн. 1. СПб., 1913; *Липецкий Алексей*. Надя Данкова: Повесть в стихах. СПб., 1913; *Лузанов В., свящ.* К 300-летию Дома Романовых. Богуслав, 1913; *Лундин Лука, крестьянин-поэт*. Сборник стихов. Кн. 3. М., 1913; *Львов Т.* Жертва Искупления: Повесть в стихах. М., 1913; *М. А.* На пепелище. Киев, 1913; *Мазаев Михаил*. Из старых тетрадей: Стихи: Изд. для немногих. СПб., 1913; *Мазуркевич В. А.* Белочка: Рассказ в стихах. СПб., 1913; *Мазуркевич В. А.* Снежинка: Рассказ в стихах. СПб., 1913; *Мазуркевич В. А.* Старые боги: 3-я кн. стихов. СПб., 1913; *Мазуркевич Н. И.* Ранние грезы: Сб. 3. Пятигорск, 1913; *Марченко Е. Н.* Стихотворения. Харьков, 1913; *Маслюк Симеон*. Символы — признаки моей души. Стихотворения. Киев, 1913; *Мейер Георгий, Леглер Николай*. Глубокое дыхание: Стихотворения. М., 1913; *Микульчик А., Бутяев Д.* Кореновский Ген. Сборник стихотворений. Киев, 1913; *Михеев Л. Е.* Шалости музыки. М., 1913; *Мозалевский Иосиф*. Утренний туман: Стихотворения. Вып. 1. СПб., 1913; *Моздокский Никита*. Первые бутоны: Стихотворения. Моздок, 1913; *Муслиц-Шадурский В.* Стихотворения. СПб., 1913; *Навроцкий А. А.* Князь Михаил Скопин-Шуйский. Историческая драма в 5 д., 7 карт. СПб., 1913; *Налим П. Г.* На цензуре: Сцены из нашей жизни. Кременец, 1913; *Неврастенный А.* Грехи юности: (Дела давно минувших дней). Кишинев, 1913; *Невская Анна*. Стихотворения. Н. Новгород, 1913; *Нейман В.* Картины из жизни: Две жертвы: поэма. Вязьма, 1913; *Нефедов Михаил*. Мерцания: Кн. стихов. М., 1913; *Оболенский Николай*. Тризны. Кн. 1: Сонеты: 1911—12. Симферополь, 1913; *П. Владимир*. Стихотворения. Харьков, 1913; *Павлов Анатолий*. Грузинская легенда. Тиф-

лис, 1913; *Павлов Анатолий*. Пучок Камыша: Эпизод из истории Хивинского похода. Тифлис, 1913; *Пестерев-Померанцев Ф.* Тернии души: Стихи; Грезы поэта (Золотой сон): Проза. Вологда, 1913; *Петров Александр*. Из-под спуда: Собр. стихотворений. Орел, 1913; *Пешехонов Федор*. Польша: Стихотворения. Кишинев, 1913; *Пиотровский Владимир, Якерин Виктор*. Стихотворения. Вып. 1. Киев, 1913; *Поздняков Н.* Облетевшие мысли. М., 1913; *Полевая С.* Исход: Поэма в стихах (По Библии). Одесса, 1913; *Полинский Сергей*. Песни грусти и любви: Стихи. Кн. 1. Н. Новгород, 1913; *Понятовский И. (Делавар)*. Хризантемы: Стихотворения. Ставрополь, 1913; *Проханов Иван*. «Кимвалы»: Сб. духовных песен. СПб., 1913; *Пуришкевич Владимир*. Административные типы. Вып. 1—2. СПб., 1913; *Радецкий И. М.* Из мрака к свету и любви: (Песни скорби и гнева). Одесса, 1913; *Радищев Лев*. Ветерки и вихри. СПб., 1913; *Райский А.* Новые звуки: Стихотворения. Кисловодск, 1913; *Раскатов Даниил*. Монеты, гони монеты. Одесса, 1913; *Рёв Т.* Стихотворения и шаржи. Старокопстантинов, 1913; *Ретнев В.* Как птица в неволе: Стихотворения. Иваново-Вознесенск, 1913; *Ржига Ф. В.* Созидание Скандра: Сербская былина. Н. Новгород, 1913; *Романовская А., Рем Дмитрий*. Морские камешки: Стихотворения. М., 1913; *Росницкий Н. А.* Повесть о моей любви: Стихи. Пб., 1913; *Российский М.* Стихотворения. М., 1913; *Ростова Л.* Стихотворения 1910—1913 гг. Новочеркасск, 1913; *Ростовцев К.* Красное солнышко земли русской: Стихотворения. Стерлитамак, 1913; *Румянцев Ю.* Ларец: Сб. стихотворений. М., 1913; *Рыбинцев Георгий*. Ожерелье из слез и цветов. М., 1913; *С. Владимир*. Зарницы. Киев, 1913; *С. К. Р.* К елке: Сб. стихотворений. Тамбов, 1913; *Ст-ов А.* Зоренька ясная: Стихи о светлой воле. Уфа, 1913; *Савельев Иван*. Деревня и песни. СПб., 1913; *Савихин Василий*. Два со-

седа: Деревенская побывальщина в стихах. М., 1913; *Санаржан Жан*. Весна пришла! (Шаловливые рифмы). СПб., 1913; *Севастьянов Н. В.* Ріта сагіна: Тридцать пять стихотворений. СПб., 1913; *Селихов Иван*. От души. Стихотворения. Вып. 1. Орел, 1913; *Семенов С. И.* Напевы Волги. Т. 1. П. Дубовка, 1913; *Семигоров*. Путь к счастью. СПб., 1913; *Скрин А.* Ныробский узник. М., 1913; *Соин И.* Мои песни. Гороховец, 1913; *Соловьева Поликсена (Allegro)*. Перекресток: Повесть в стихах. СПб., 1913; *Спировский Григорий*. Каин и Авель: Поэма для детей старшего возраста. Тверь, 1913; *Стаканов И.* Песни одиночества: Стихотворения. Вып. 1. Кишинев, 1913; *Стремин Милий*. Замкнутый круг: Стихи. СПб., 1913; *Стрижкевич В.* Первый луч голубого сияния: Стихотворения. Проскуров, 1913; *Струве Александр*. Отражения: Цикл стихов (1898—1913). М., 1913; *Струве Александр*. Пластические этюды. Стихотворения для «Танцев под слово». М., 1913; *Сысоев Борис*. Стихи. СПб., 1913; *Т. А. Н-Я*. Песни любви и печали. Киев, 1913; *Таубе Н.* Элегия души: Мысли в стихах. М., 1913; *Терновский В.* В снегах; Карское море и его льды: Стихотворения. Ч. 2. СПб., 1913; *Терновский В.* Книга настроений. СПб., 1913; *Терновский В.* Лесные песни. СПб., 1913; *Турченко Николай*. Лови момент и больше ничего... Куплеты о том, что делают приезжие в Одессе!. Одесса, 1913; *Устинов Иван*. Песни труда. М., 1913; *Утомский Эспер*. Из прошлого: Сб. стихов. СПб., 1913; *Фарбер М.* Стихи 1911—1913. Елисаветград, 1913; *Феоктистов Николай*. Стихи. Омск, 1913; *Филимонов Ф.* За прошлые годы: (Песни сибиряка). СПб., 1913; *Харламов Н.* Грезы теней: Стихи. М., 1913; *Хоминский Артур*. Обман. Звенигородка, 1913; *Хоминский Артур*. Счастье. Звенигородка, 1913; *Храповицкий В. А.* Диана: Драм. фантазия; Лирические стихотворения. Екатеринослав, 1913; *Храповицкий В. А.* Розы

Дианы: Драм-фантазия в 3 д. Екатеринослав, 1913; *Цветков Лев*. Святая Русь под скипетром дома Романовых: Поэма. К 300-летию юбилею дома Романовых: 1613—1913. М., 1913; *Цензор Дмитрий*. Легенда будней: Лирика. СПб., 1913; *Цыганок-Темрюкский Семен*. Изломы луча: Стихотворения: 1909—1912. Владивосток, 1913; *Чалеев И.* Горю забвенью: Стихотворения. Белосток, 1913; *Чарская Л.* Смешные малютки: шутки и прибаутки. СПб., 1913; *Чемерзин Авенир*. Фантазия. СПб., 1913; *Черемнов А.* Стихотворения. Т. 1. М., 1913; *Чусова А.* Бисеринки: Стихотворения. М., 1913; *Шамонин Александр*. Лиля: Стихи. Варшава, 1913; *Шаховская Лида*. Стихи. М., 1913; *Шацких Павел*. Вешние сны: Стихотворения: 1905—1913. Елец, 1913; *Шацких Павел*. Пережитое: Стихотворения. Елец, 1913; *Шепелев И.* Настроения: Стихотворения. СПб., 1913; *Шугаев М.* Четверостишия. М., 1913; *Шутлеворт Н.* В путях природы; Магдалина. Варшава, 1913; *Щепкина-Куперник Т. Л.* История давно минувших дней: сцена в 1 д. в стихах. М., 1913; *Щепкина-Куперник Т. Л.* Репетиция: Комедия в 1 д. в стихах. М., 1913; *Щербаков Н.* Стихотворения, ежегодно читаемые 17 февраля, т. е. в дни годовщин Первого кадетского корпуса с 1893—1913. СПб., 1913; *Эсаул Ф.* Стихотворения. Чернигов, 1913; *Анисимов Ю.* Обитель. М., 1913; *Арельский Грааль. Летейский брег.* СПб., 1913; *Бальмонт К. Д.* Звенья: Избранные стихи: 1890—1912. М., 1913; *Бобров С.* Вертоградари над лозами. М., 1913; *Большаков К.* Сердце в перчатке. М., 1913; *Большаков К.* Le futur: Стихи. М., 1913; <Брюсов В. Я.> Стихи Нелли. М., 1913; *Гедройц Сергей.* Вег. СПб., 1913; *Гиппиус Василий.* Волшебница. СПб., 1913; *Гнедов Василиск.* Гостинец сентиментам. СПб., 1913; *Городецкий С.* Ива: 5-я книга стихов. СПб., 1913; *Ивнев Рюрик.* Самосожжение. Кн. 1: Лист 1. М., 1913; *Каменский Василий,*

Кривцов Андрей. **Нагой среди одетых. М., 1913**; Клычков Сергей. **Потаенный сад: Стихотворения. М., 1913**; Ключев Н. **Лесные были: Кн. 3-я. М., 1913**; Кокорин Павел. **Музыка ритм: Поэзо-пъэссы, 1909–1913. СПб., 1913**; Комаровский Василий. **Первая пристань: Стихи. СПб., 1913**; Крученых А. **Взорваль. СПб., 1913**; Крученых А. **Возрощем. М., 1913**; Крученых А. **Полуживой. М., 1913**; Крученых А. **Помада. М., 1913**; Крученых А. **Пустынники. Поэма. М., 1913**; Крученых А. **Утиное гнездышко... дурных слов... СПб., 1913**; Крученых А., Зина В. **Поросята. СПб., 1913**; Крючков Дмитрий. **Падун немолчный. СПб., 1913**; Крючков Дмитрий. **Цветы ледяные. Вторая книга стихов. СПб., 1913**; Курдюмов Всеволод. **Пудренное сердце: Стихи. СПб., 1913**; Львова Надежда. **Старая сказка: Стихи: 1911–1912 гг. М., 1913**; Манделъштам О. **Камень. СПб., 1913**; Маяковский В. **Я! М., 1913**; Подгаевский Сергей. **Бисер. Зеньков, 1913**; Подгаевский Сергей. **Шип. Зеньков, 1913**; Подгаевский Сергей. **Эдем. Зеньков, 1913**; Рафалович Сергей. **Стихотворения. Сб. 4. СПб., 1913**; Садовской Борис. **Пятьдесят лебедей: Стихотворения: 1909–1911. СПб., 1913**; Северянин Игорь. **Громокипящий кубок: Поэзы. М., 1913**; Скляр Левонид. **Призраки: (Эстетич. стихи). Ростов н/Д, 1913**; Соловьев Сергей. **Цветник царевны: 3-я книга стихов. М., 1913**; Хлебников, Маяковский, Бурлюк. **Требник троих. Сб. стихов и рисунков. М., 1913**; Хлебников В., Крученых А., Гуро Е. **Трое. СПб., 1913**; Цветаева Марина. **Из двух книг. М., 1913**; Шершеневич Вадим. **Сармина. М., 1913**; Шершеневич Вадим. **Романтическая пудра: Поэзы: Opus 8-й. М., 1913**; Шершеневич Вадим. **Экстравагантные флаконы. М., 1913**; Широков П. **В и вне. Поэзы II. СПб., 1913**; Эльснер Владимир. **Выбор Париса: 1-я книга стихов. М., 1913**; Эренбург Илья. **Будни: стихи. Париж, 1913.**

³ Вот их список в алфавите авторов: *А. Ф.* Из песен и стонов. Тифлис, 1913; *Артемов Вяч.* Сатира и юмор. Кн. 2. Самара, 1913; *Бабкин Владимир.* Жизнь и смерть. Ярославль, 1913; *Бекевич-Бекиш Я.* Стихотворения. Белосток, 1913; *Буров Л.* Футуристические стихи. Ямполь, 1913; *Венедиктов Алексей.* Мысли в стихах. Слобода Николаевская, 1913; *Галай Лидия.* Простые стихи. М., 1913; *Герман.* В тенетах снега. М., [1913]; *Гольек Е.* Осенняя песенка: Пьеса. СПб., 1913; *Гомонов М.* Тоска по родине: Солдатские письма в стихах. Тифлис, 1913; *Гончаренко И.* Стихотворение. Хорол, 1913; *Дитерихс фон Дитрихштейн Владимир.* Зовы земли: Стихи. Одесса, <1913>; *Зеснейн Упсал.* Первая книжка стихотворных ухищрений. М., 1913; *Иванов Родион.* Стихотворения. Кн. 4. СПб., 1913; *Ивнев Р., Эсс П.* У пяти углов; Диалог; Взлет 1. СПб., 1913; *Израилитан Иосиф.* Стихотворения. Вильна, 1913; *Кесарев Иван.* Звездочки. Вып. 4. Смоленск, 1913; *Колубанский Г.* Великий дом Романовых. Бийск, 1913; *Колчин М.* Стихи «Влюбленность». Архангельск, 1913; *Комаров Н.* Горе преступника: Песнь наболевшей души. М., 1913; *Коринфский Аполлон.* Песнь Цесаревичу. Одесса, 1913; *Кошкаргов Сергей.* Святая Русь: 1613–1913. СПб., 1913; *Красный Саша.* Если был бы я Убейко Юлий: Сб. куплетов. Одесса, 1913; *Крученных А.* Победа над солнцем. СПб., 1913; *Куявский А.* Станция Мыкен; Это не считается; Ой, щекочет...: Новые злободневные куплеты. Одесса, 1913; *Л-ц Р.* Мои песни. М., 1913; *Ланшин М. А.* Первые звездочки: Стихотворения Миры Ланшина. Александровск, 1913; *Лебедев Вл. П.* Стихотворения. Пб., 1913; *Мальшев А.* Васильки: Сб. стихотворений: 1906–1912. СПб., 1913; *Мейснер А. Ф.* Ночью (Из 3-й кн. стихов). СПб., 1913; *Миловидов Н.* К майским торжествам в Москве: Поклон земной Москвы

Великой царю родному своему. М., 1913; *Михайлов Петр, монах*. О, дивный остров Ваалам: Стихотворение, посвященное Вааламской обители. СПб., 1913; *Мыльникова Ксения*. Крики чайки: Стихотворения. Кн. 2. Нижний Новгород, 1913; *Нарбут Владимир*. Любовь и любовь. 3-я кн. стихов. СПб., 1913; *Непримиримый*. Стихотворения: Части целого. Саратов, 1913; *П. И. К.* Ученическая песня. Симферополь, 1913; *Пальгунов С.* Слава Романову Дому: 21 февраля 1613 г. — 21 февраля 1913 г.: Стихотворение, написанное на трехсотлетний юбилей Дома Романовых. Бельцы, 1913; *Патин К.* Стихотворения: Из палестинских впечатлений. Тамбов, 1913; *Плаксин Сергей*. Стихотворения: Рождественская ночь; Дивная ночь. Одесса, 1913; *Полозов М.* На помощь страждущим: Стихи. Пермь, 1913; *Поляк В.* Лепестки и другие стихотворения (1912—1913). Киев, 1913; *Приходько Иван*. Чары любви: Листок стихотворений № 2. Казатин, 1913; *Раскольников С.* Струны сердца. М., 1913; *Рудич Вера*. Стихотворение. СПб., 1913; *Рязанский П.* На последнюю монету: Сб. злободневн. куплетов рус. юмориста, смехотворца, любимца повсемест. публики: Стихи. Одесса, 1913; *Сестра Ан.* К России и к орлам России: Два стихотворения. СПб., 1913; *Скорбный Юрий*. Чутких струн тоскующие звоны: Стихи. Одесса, 1913; *Терновский В.* У стен Акагуя: Стихи и рассказы. Бузулук, 1913; *Терновский В.* Zum Himmel: Стихотворения и очерки. СПб., 1913; *Толмачев И.* Сказка о семи богатырях: (Судьба славян): Поэма. Боровичи, 1913; *Торопов И.* Славянскому банкету: Стихи. М., 1913; *Филиппов Ю.* Стихотворения. СПб., 1913; *Чачиков Александр*. Я сижу здесь у моря. М., 1913; *Шухмин Христофор*. Комик-куплетист: Сб. юмористических куплетов. М., 1913; *Яниславский С. А.* Война с Наполеоном: историческое стихотворение в 3 ч. Пинск, 1913.

⁴ См.: *Лекманов О. А.* Эволюция книги стихов как «большой формы» в русской поэтической культуре конца XIX — начала XX века // *Авангард и идеология: русские примеры.* Белград, 2009 (Публикация в Интернете: <http://www.trediakovsky.ru/content/view/229/41/>).

⁵ О поэтике не модернистской книги стихов начала XX века не написано ничего. О поэтике модернистской книги стихов см. в первую очередь: *Максимов Д. Е.* Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975; *Тименчик Р. Д.* О составе сборника И. Анненского «Кипарисовый ларец» // *Вопросы литературы.* 1978. № 8; *Правдина И. С.* Формирование лирической трилогии // *Александр Блок. Новые материалы и исследования.* Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. М., 1987; *Лавров А. В.* О книге Андрея Белого «Стихотворения» (1923) // *Андрей Белый.* Стихотворения. М., 1988; <*Азатовский К. М.*>, *Котрелев Н. В.* Александр Блок в работе над томом избранных стихотворений («Изборник», 1918) // *Блок А. А.* Изборник. М., 1989; *Толстых Г. А.* Книготворческие взгляды русских поэтов-символистов // *Книга: Исследования и материалы: Сб. 68.* М., 1994; *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М., 1997; *Магомедова Д. М.* Александр Блок «Нечаянная радость» (Источники заглавия и структура сборника) // *Магомедова Д. М.* Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997; *Гиндин С. И.* Валерий Брюсов // *Русская литература рубежа веков. (1890-е — начало 1920-х годов).* Кн. 1. М., 2001; *Фоменко И. В.* Книга стихов: миф или реальность? // *Европейский лирический Цикл. Историческое и сравнительное изучение. Материалы международной научной конференции.* Москва — Переделкино. 15–17 ноября 2001 г. М., 2003; *Богомолов Н. А.* Жанровая система русского символизма: не-

которые констатации и выводы // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века. М., 2008.

⁶ Поскольку тексты такого рода никогда не попадали в поле зрения исследователей, приведем здесь подборку отрывков, взятых из поэтических книг 1913 года:

Последний день промчавшегося года;
Возврата нет волшебным, чудным сном!
А впереди лишь горе и невзгода —
И рвется вновь душа к былым мечтам.

(А. Б. «Старый год»)

В новом году новые песни,
Старые давно уж пропеты...
В новом году новые вести,
Старые скорби и старые грезы
Пропали без вести...

(С. К. Акимова «Новый год»)

Бьет полночь. Звонят бокалы,
Старый год спит крепким сном.
Новый встал, уж в темной дали
Его взор горит огнем.

(Д. Безрукавников «Новый год»)

Двенадцать пробило ударов. Год старый уходит от нас,
Согбенный от ноши тяжелой, дождавши последний
свой час.

(Анатолий Иоссель «Встреча»)

Бьет двенадцать часов. Полночь мрачная
Протянула свой черный покров.
Не слышна в эту ночь песня брачная —
К жизни новой торжественный зов.
— Ночь простерла над смертью покров.

(Кашталинская «В ночь новогоднюю»)

Из года в год мы поздравленья
Друг другу с Новым Годом шлем,
Но коль в нас старые стремленья, —
Мы к новым целям не придем.

(Анна Невская «На 1914-й год»)

Рожденный в глубокий полуночный час,
Час тайн и немой тишины,
Скажи нам, малютка, чем будешь для нас?
Открой нам грядущего сны!

(И. Понятовский «Новый год»)

Новый год!.. Воскресают надежды у всех
И иллюзии тешат нас снова.
Среди звона бокалов веселье и смех,
И все ждут «новогоднего слова».

(С. Полинский «К новому году»)

Вот уж бьет двенадцать!
Полночь настала;

Время без возврата
Старый год умчало...

(Иван Савельев «На новый 1905 г.»)

Что ждет нас впереди: надежда ли на счастье.
Что даст он нам? Отраднѣй ли покой,
Иль снова наша жизнь осенним днем, ненастным,
Без света и любви пойдет своей чредой?

(Н. Таубе «Но новый год»)

Но в час встречи, ликования,
шлем мы счастья пожеланья,
сердце верит им, зовет...
Здравствуй, юный Новый Год!

(Т. А. Н-я «Пересыпался песок...»)

Приходи к нам с идеалами,
Вся душа тобой полна,
Встретим мы тебя бокалами
Искрометного вина.

(Ф. Филимонов «Новый год (1895)»)

Еще один ушел в безвестное пространство,
Как много их ушло... и вот
Опять среди обычного веселия и пьянства
Встречают люди новый год.

(П. Шацких «На новый год»)

См. также в стихотворении Марины Цветаевой «Под новый год»:

Встретим пришельца лампадкой
Тихим и верным огнем.
Только ни вздоха украдкой,
Ни вздоха о нем!

Еще см. стихотворения Анатолия Доброхотова «На новый год», В. Дормидонтовой «На новый год» и Э. Э. «На новый год».

⁷ См.: Марков В. Ф. Можно ли получать удовольствие от плохих стихов, или О русском «Чучеле совы» // Марков В. Ф. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб., 1994.

⁸ Здесь и далее название книги указывается в тексте статьи, если автор выпустил больше одного поэтического сборника в 1913 году.

⁹ Этому стихотворению в книге Ф. Пестерева-Померанцева предшествует другое, обращенное к той же адресатке, из которого приведем две заключительные строфы:

Ты не обидишь несчастных.
Взором согреешь сердца.
Слов не пускаешь напрасных
Жизнь презираешь купца...

В сердце моем огрубелом
Чувства явились вновь...
Что ты за призрак под телом,
Что порождаешь любовь?..

(«Вся ты в сиянии ярком...»)

¹⁰ *Гаспаров М. Л.* Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия серебряного века. 1890–1917. Антология. М., 1993. С. 7.

¹¹ Напомним, что именно с вариаций фетовских мотивов в январе 1914 года начинал свой путь в большой поэзии молодой Сергей Есенин. В поэтических книгах 1913 года также упоминались: **Некрасов** (С. И. Семенов — стихотворение «Памяти Некрасова»), Павел Шацких — стихотворение «Памяти Н. А. Некрасова»), **Апухтин** (Н. И. Грамматчиков — стихотворение «На мотив Апухтина», Геон — эпитафия из Апухтина), **Тютчев** (А. Журин — эпитафия к стихотворению, Симеон Маслюк — эпитафия к стихотворению), **Майков** (Геон — стихотворение «На смерть Майкова»), **А. К. Толстой** (В. Мусвиц-Шадурский — стихотворение «Навечно гр. А. К. Толстым», Михаил Нефедов — эпитафия к стихотворению, Т. А. Н-я — эпитафия к стихотворению), **Иван Никитин** (И. Коробов — стихотворение «Памяти И. С. Никитина», Нина Кузьмина — стихотворение «Памяти Никитина»), **Чехов** (А. Л. Ф. — стихотворение «Памяти А. П. Чехова», П. П. Гайдебуров — сонет памяти Чехова), **Владимир Соловьев** (Милий Стремин — стихотворение «Светлой памяти В. С. Соловьева», плюс не слишком внятная «Эпиграмма» Александра Петрова: «Не Герцен, Соловьев сказали правду миру, // А Бог ее открыл простому рыбаку, // Что надлежало быть... Эх выдумал сатиру! // Ответим-ка ему: ку-ку, ку-ку!»), **Горький** (С. Ганьшин — посвящение Горькому, В. Мусвиц-Шадурский — эпитафия из Горького, Нина Кузьмина — посвящение Горькому), **Л. Андреев** (У. Дайтчман — стихотворение с посвящением, Нина Кузьмина — стихотворение с посвящением, Т. А. Н-я — стихотворение с эпитафией), **Арцыбашев** (В. Дормидонтова — стихотворение с эпитафией: «Ученица: “Отчего вы не хотите, чтобы я читала

Санина?» и поэтическим ответом: «Не для вас эти книги: в них слишком густы, // Слишком грубы и пошлы все краски. // Не теряйте так рано своей чистоты, // Берегите в душе своей сказки!..»), **Лохвицкая** (стихотворение А. Шамонина «Памяти Лохвицкой») и, конечно, **Лев Толстой** (С. К. Акимова — стихотворение «Льву Толстому», Н. Васильковская — стихотворение «Ты прав, глубоко прав, наш дорогой старик...», Н. Власов-Окский — стихотворение «Великан (Памяти Л. Н. Толстого)», С. Л. Гурвич — раздел книги с посвящением Толстому, Анатолий Доброхотов — стихотворения «Лев Толстой» и «Великий глашатай любви и правды (Памяти Л. Н. Толстого)», С. Д. Дрожжин — стихотворение «7 ноября 1910» — о смерти Толстого, Э. Э. — стихотворение «На кончину Л. Н. Толстого», Сергей Полинский — стихотворение «На смерть Л. Н. Толстого», Сергей Рафалович — стихотворение «Памяти Толстого», Сергей Соловьев — стихотворение «Памяти Льва Толстого», С. И. Семенов — стихотворение «Памяти Толстого»). Несколько стихотворений в наших книгах были посвящены памяти **Комиссаржевской** (стихотворения Кашталинской, И. Коробова, Владимира П., Дмитрия Цензора) и **Столыпина** (стихотворения Аксенова, Надежды Броницкой, Александра Ковалевского, В. Терновского: «Как дуб столетний на земле, // Стоит Столыпин у кормила. // И мысль глубокая почил // На сумрачном его челе»). См. также посвященное **С. Рахманинову** стихотворение Н. Васильковской «Симфония», а также стихотворение Владимира Верецагина «**Федору Ивановичу Шаляпину**». Еще процитируем стихотворение Ирины Витман «Худоожественному театру»:

Привет тебе, театр «исканий»,
Я низко кланяюсь тебе —

За тот восторг переживаний,
Что ты дарил моей душе!

О «синей птице» нашей грезы
Ты нам чудесно рассказал...
Из наших глаз катились слезы,
Когда — Качалов — Бранд страдал...

Составляя этот список, мы не стремились к исчерпанию, нам только хотелось обратить внимание на самые важные для поэтов 1913 года имена.

¹² Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М.: Torino, 1996. С. 302.

¹³ Одно из пародируемых Коробовым стихотворений (Михаила Зенкевича) целиком приводится ниже в этом разделе нашей работы.

¹⁴ За подражание, а не за пародию принял книгу Коробова и Семеновского такой замечательный знаток русского авангарда, как Андрей Крусанов. См.: Крусанов А. Русский авангард. Т. I. Кн. 2. М., 2010. С. 463.

¹⁵ «При анализе пародии как процесса рабочего, при учете рабочих моментов пародии, уясняется ее связь с моментом подражания, вариирования» (Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 292).

¹⁶ Ему посвящено одно из стихотворений в поэтической книге В. Шершеневича «Сармина».

¹⁷ Показательный факт: в сборник «Маруся отравилась» (Одесса, 1913), не учтенный в библиографии Тарасенкова — Турчинского и составленный из стихотворений и песен, популярных «в народе», вошло стихотворение Брюсова «Фабричная». Он продолжал оставаться самым упоминаемым по-

этом-модернистом и в книгах авторов-модернистов, изданных в 1913 году. Приведем два примера брюсовского присутствия даже не в эпиграфах к стихотворениям, а в самих стихотворениях: «Вот Мельпомены храм, где царствует фон-Больш, // А там — исчадие последних, модных вкусов — // Как новый Вавилон, воздвигся Метрополь, // Исконный твой очаг, великолепный Брюсов» (Сергей Соловьев «Московская поэма»); «На пышной клумбе яркие левкои // Струили тяжкий и тягучий яд — // Созвучье Брюсова, но я не знал какое, // Внутшал их цвет и пряный аромат» (Владимир Эльснер «Душный закат»).

¹⁸ См. хотя бы посвящения в его книге «Безответное»: «За стеклом» (Н. С. Гончаровой), «К Насте» (А. М. Кожебаткину), «На могилах» (В. В. Бородаевскому), «Вечер» (Ю. П. Анисимову), «Туда» (Андрею Белому). Самому Гурьеву посвящено два стихотворения в книге Г. Рыбинцева «Ожерелье из слез и цветов».

¹⁹ См. посвящения в его книге «Легенда будней»: Сергею Городецкому, Александру Блоку, Федору Сологубу.

²⁰ Подробнее см.: *Лекманов О. А. Эволюция книги стихов как «большой формы» в русской поэтической культуре конца XIX — начала XX века. С. 326–327.*

²¹ Там же. С. 327–328.

²² Из модернистских поэтических сборников 1913 года в этот контекст отчасти вписывается разве что книга профессионального астронома Грааля-Арельского «Летейский брег».

²³ Профессионалом стихосложения Ф. Воронцов не был, но этот автор, надо отдать ему должное, прекрасно понимал, в чем может состоять интерес прочтения его книги: «Я ведь, право не Крылов // Рассказ мясницкий тоже нов» («Купцы и хозяйки»).

²⁴ Приведем также пример освоения поэтики антиэстетизма из книги не модерниста, испытавшего влияние модернизма, — А. Горностаева «Глубоким утром: (Песнопения)»: «Сплетенье жил, костей, кишечника — // Монет серебряных цена, // За что же ты, — село горшечника — // Землю Крови названа?» («Плоть»). См. также в стихотворении К. Зиновидского «Не обижены мы урожаем...»: «Что такое щекочет и гложет, // Облепило меня там и тут? // Успокойся, ничто не поможет: // То могильные черви ползут».

²⁵ Еще упомянем о стихотворении С. Боброва «Его королевскому величеству королю черногорскому Николаю I». Также см. темпераментное стихотворение Авенира Чимерзина, посвященное русско-польским взаимоотношениям:

Мне грезится: поляки русским покорились...
Над родиной моей не слышится их стон...
В один родной народ славяне дружно слились,
Вражда веков прошла — исчезла, словно сон...

(«Мне грезится, что ночь спустилась над Варшавой...»)

²⁶ См. также стихотворения С. Гурвича («Самоубийца»), А. Жуковского («Могила самоубийцы (К картине Котарбинского)»), М. Исаковой («Самоубийцы на берегу моря») и А. Журина («Самоубийца»).

²⁷ При написании этого фрагмента нашей работы мы ориентировались на серию увлекательных новаторских заметок: *Тименчик Р. Д.* Стихоряд и киноязык в русской культуре начала XX века // *Finitis duoddecim lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982; *Тименчик Р. Д.* К символике трамвая в русской поэзии // *Труды по*

знаковым системам. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 754. Тарту, 1987; *Тименчик Р. Д.* К символике телефона в русской поэзии // Труды по знаковым системам. 22. Ученые записки Тартуского университета, Вып. 831. Тарту, 1988.

²⁸ Ср. также в его стихотворении «В звоне стекол и в звяке звонков...» (из цикла «На Невском»):

Кто же я? И зачем в этом гуле
Металлических блоков и шин
Так беззвучно шаги утонули,
Так подавленно думы мелькнули —
Или и я только атом машин?

²⁹ В стихотворении изображается реальный футбольный матч, следующим образом описанный в газетной заметке: «Третьего дня состоялся футбольный матч между одесск<ой> кр<аевой> футб<ольной командой> “Стелла” и гимназической командой Аккермана “Террор”. Матч привлек много публики. Результат матча 6 : 0 в пользу одесск<ой> футб<ольной> ком<анды> “Стелла”. Заметно хорошая была игра из одесск<их> футболистов и форвардов: С. Койфмана, К. Бланкмана и А. Слепого. Из хавбеков выделялся В. Гнатовский. Красиво играли беки: Д. Коган и Г. Шекер. Со стороны аккерманцев выделялся игрой — голкипер Маньковский. Реферировал матч — Кауфман» (*Без подписи.* Футбол // Одесские известия. 1913. 13 (26) октября. № 9151. С. 6).

³⁰ Как трудно ее найти еще в одном стихотворении с названием «Царское Село», помещенном в изданной в 1913 году книге Е. Аврамова «Море и берег»:

А солнце между тем спускалось
И им красиво освещалась
Поверхность темная пруда,
Высокий берег, галерен,
Дворцы, беседочки, всегда
Стою прикован, все лелея
Свой глаз на дивном сочетаньи
Труда, изящества и знания.

³¹ Вот их список в алфавите авторов, разбитый по двум группам: модернисты и не модернисты (библиографические сведения о модернистах для наглядности выделены полужирным шрифтом): **Адамович Г. Облака. Стихи. М. — Пг., 1916; Аксёнов И. Неуважительные основания. М., 1913; Анисимов Ю. Ветер. М., 1916; Асеев Н. Оксана. М., 1916; Асеев Н. «Ой конин дан окейн!»: 4-я книга стихов. М., 1916; Божидар. Бубен: Стихи. М., 1916; Большаков К. Королева мод: лирические диалоги. М., 1916; Большаков К. Солнце на излете. М., 1916; Брюсов В. Семь цветов радуги: Стихи. М., 1916; Волошин М. Anno mundi ardentis 1915. М., 1916; Есенин С. Радуница. М., 1916; Иванов Г. Вереск. М. — Пг., 1916; Ивнев Р. Очарованный странник. Пг., 1916; Ключев Н. Мирские думы. М., 1916; Липскеров К. Песок и розы. М., 1916; Лозина-Лозинский А. Тротуар. Пг., 1916; Лозинский М. Горный ключ. М. — Пг., 1916; Лопатто М. Избыток. Пг., 1916; Ляндау К. У темной двери. М., 1916; Мандельштам О. Камень. Пг., 1916; Марев Глеб. Первая Арзология. Пг., 1916; Олимпов К. Глагол Родителя Мироздания: Негодьям и мерзавцам. Пг., 1916; Олимпов К. Прозэмный Родителя Мироздания: Идиотам и кретинам. Пг., 1916; Парнок С. Стихотворения. Пг., 1916;**

Платов Ф. Третья книга. М., 1916; Рафалович С. Триолеты. Пг., 1916; Рафалович С. Стихотворения. Пг., 1916; Рукавишников И. Сто лепестков цветка любви: Песни женской души. М., 1916; Северянин И., Масайнов А. Мимозы льна. Пг., 1916; Соловьев С. Возвращение в дом отчий. М., 1916; Столица Л. Елена Деева: Роман. М., 1916; Струве М. Стая. Пг., 1916; Шенгели Г. Гонг: Поэзия. Пг., 1916; Шершеневич В. Быстрь: Монологическая драма. М., 1916; Шершеневич В. Автомобилья поступь: Лирика (1913—1915). М., 1916; Ширяевец А. Запевка: Песни и стихи. Ташкент, 1916; Штих А. Стихи М., 1916; Эренбург И. Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знаменьях, явленных ей. Париж, 1916; Эренбург И. Стихи о канунах. М., 1916; Алчевская Х. Грезы. Харьков, 1916; Амари. Глухие слова: (Стихи 1912—1913 гг.). М., 1916; Андронов А. Каприз женщины: Стихотворения. М., 1916; Ашукин Н. Скитания: 2-я книга стихов: (1913—1915). М., 1916; Б. Борис. Стихи. Пг., 1916; Балагин Б. Лунные флейты: Стихи. Ташкент, 1916; Барановский А. Стихотворения: 1913—1916. Пг., 1916; Биленкин Александр. Роза во льду: Стихи. Пг., 1916; Блиновский Н. Гимны кооперации. М., 1916; Вержбицкий А. Мои песни. Рига, 1916; Виденеев П. Миги радостей и печалей: Стихи. Пг., 1916; Гавалла А. В непогоду. Стихотворения. Ростов н/Д, 1916; Гиляровский В. Грозный год. Стихотворения. М., 1916; Гипси М. Пленная птица: Записи. М., 1916; Голубева И. Родине: Стихи. М., 1916; Городец В. Пути души: Стихотворения. М., 1916; Горянский В. Мои дураки: Лиро-сатиры. Пг., 1915; Гриневич А. Стихотворения. Симбирск, 1916; Гусев А. Деревенские картинки: Стихи. Вып. 4. Углич, 1916; Давидов И. Не отвергайте, не узнав, и др. стихотворения. Пг., 1916; Дворяшин В. (Олег Полярный) Зигзаги души: поэзы.

Кишинеv, 1916; Дворяшин В. (Олег Полярный). На зеленом кургане: поэзы для чтения в трамваях. Пг., 1916; Дид М. Набат. Стихотворения 1914—1915. Новониколаевск, 1916; Диксон Э. Песни степного тюльпана. Самара. 1916; Диксон Э. Гюльхана. Ташкент, 1916; Егоров П. Рыдающий демон. Рифметы надумия. М., 1916; Ефименко Т. Жадное сердце. Стихи. Пг., 1916; Захарас Ф. Сборник куплетов и шансонеток. Вып. 1. Харьков, 1916; Заякин-Уральский П. Мгновенное и вечное. Стихотворения. 1901—1915. Пг., 1916; Иванов Р. Вечно живущие. СПб., 1916; Исаков Л. Степные миражи. Оренбург, 1916; Калантаров Г. Странички из юношеского альбома. Тифлис, 1916; Каплан М. Ощущения. Первая книга стихов. Пг., 1916; Каратыгина Н. Кровь животворящая. Пг., 1916; Кнапп В. Эскизы. М., 1916; Кондратьев Л. Юсуп. Владикавказ, 1916; Копп П. Огни и тени. Одесса, 1916; Копыткин С. Струны народные. Новые песни о войне. Пг., 1916; Корнеев Б. Юность. Пг., 1916; Коробков В. Гранатовые лепестки. М., 1916; Коровин А., Лебедев В., Перлин Е. Первая брошюра стихов. Орел, 1916; Коровин А., Перлин Е. Вторая брошюра стихов. Орел, 1916; Королевич В. Смуглое сердце. М., 1916; Костомарова А. Стихотворения. Пг., 1916; Котельников М. Стихотворения. Воронеж, 1916; Котляр-Юнонин Д. Зовные стенания. Киев, 1916; Коханный Г. Брызги смеха и слез. Песни и куплеты. Пг., 1916; Кошкаров С. Чары земли. М., 1916; Кулебякин А. Дверь Мехера: Ванская легенда; Отзвуки Вана: Стихи (1915—1916 гг.). Б. м., 1916; Курсаков В. Басни, сказки и стихотворения. Симферополь, 1916; Палей В. Стихотворения. Пг., 1916; Петровский П. Невольные песни. М., 1916; Лебеда С. Досуги старого судьи. Пг., 1916; Лейбович Н. После плача земли. Одесса, 1916; Ливкин Н. Инок: Стихи. М., 1916; Лихтерман Н. Сиянию голубых очей. Таганрог, 1916;

Лучанский П. Звездам и камням. 1898—1913. Пг., 1916; Лыщинский Л. За мечтой. Пг., 1916; Лягин М. Архангельские силуэты. Вып. 3. Архангельск, 1916; Малахов П. Пасынки судьбы. Майкоп, 1916; Микули А. Птица-Галка. М., 1916; Мармеладов Г. Сливки сатиры и юмора. Пг., 1916; Медор. Трепетные дни: поэма в сонетах. Пг., 1916; Миних К. Слава России. В память великой войны 1914—1916 гг. Пг., 1916; Модзалевский Л. Для детей. Пг., 1916; Мукалов М. Ничто: Книга для каждого. Киев, 1916; Набоков В. Стихи. Пг., 1916; Нахабов П. За родину! Пг., 1916; Нестеров С. Стихотворения и рассказы рыбака. Шлиссельбург, 1916; Оленич-Гнененко П. Война; Мир; Отклики сердца. Омск, 1916; Павлов А. Басни. Тифлис, 1916; Родин Ф. Сиреневые зори: Лирика. Пг., 1916; Рошинский-Пламадяла Ф. Стихи юности. Пг., 1916; Розанов И. Призраки звезд. М., 1916; Рыковский Н. Черное кружево. М., 1916; С. Ж. Простые напевы. Пг., 1916; Савченко П. Пение пуль. М., 1916; Садовский Т. Стихотворения. Тобольск, 1916; Салманов А. Природа. М., 1916; Саямон Б. Первая песнь: Сборник рассказов и стихотворений. Пг., 1916; Светлый Ю. Созвучья души: Стихотворения. <Б. м.>, 1916; Святловский В. Янтари. Пг., 1916; Сильв Я. Сад души: Лирика. Киев, 1916; Сиротинин А. С родных полей. Пг., 1916; Скороходов М. Песня первая: Стихи. Пг., 1916; Смирнов П. Дед-пасечник. Лубны, 1916; Соболев Д. Вопль. М., 1916; Со-вич А. Бояновы песни славянам. М., 1916; Соколов Б. Семнадцать песен. Киев, 1916; Сокольский С. Пляшущая лирика. Пг., 1916; Стадников. Памятка Куринца. Киев, 1916; Стож Д. Забытая тетрадь. Иркутск, 1916; Стож Д. Сердце и невежество. Иркутск, 1916; Стрибожич С. Рябины гроздя. Вологда, 1916; Суражевский Д. Тишина. М., 1916; Сысоева Л. Венки. Пг., 1916; Тарасов А. Плоды досуга. Вып. 1. Киев,

1916; Тарасова В. Стихи. Калуга, 1916; Тулин Г. Песни ратников. Пг., 1916; Ушаков В. Песни Трубчевского баяна. Пг., 1916; Файнберг М. Стихи. Пг., 1916; Филиппов П. В плену у кайнов: рассказ и стихотворение. Саратов, 1916; Фомин А. (Отец). О поэтах и поэзии. Заветы. Харьков, 1916; Хаит Д. Шрапнель страстей: лирионетты. Одесса, 1916; Хаит Д. Шрапнель страстей: лирионетты. Одесса, 1916; Хоминский А. Возлюбленная псу: сильная поэма: 1913—1916. Киев, 1916; Худяков К. Сибирь: Стихи. Курган, 1916; Ц. Зинаида. Лучи и тени: Стихотворения. Пг., 1916; Чарекова Н. Зеленый Кутаис. Кутаис, 1916; Черкасов Н. Вышел! Лиремы. Пг., 1916; Чукалов С. Сумерки: Песни сердца. Пг., 1916; Чуть-не-Крылов (А. Лойтерштейн). Наши басни. Умань, 1916; Ш. Валерий. Мечты и жизнь: Стихотворения. Екатеринбург, 1916; Шабельский А. Фауст: пародия-шарж. Пг., 1916; Шамонин В. В деревне. Пг., 1916; Шульговский Н. Терновый венец. Сріпеа: Венок сонетов. Пг., 1916; Щепкина-Куперник Т. Мелькающие огоньки: Миниатюры. М., 1916; Я-ов Н. Певец в стане германских воинов. Киев, 1916; Яремский И. Песни новых дней. Кн. I. Умань, 1916.

³² Вот их список в алфавите авторов: Алексеев Н. Весна. Пг., 1916; Барон Зет. Стихи. Владивосток, 1916; Венераки А. Думы в стихах: 1915—1916 гг. Винница, 1916; Вильде О. Сборник произведений. Армавир, 1916; Войно И. Сны одинокие. М., 1916; Дмитренко Л. Смены души. Одесса, 1916; Дружинин М. Созвездие стихотворений. Пг., 1916; Закржевская А. Цветы и волны: Стихи. Одесса, 1916; Караулов 1-й Н. На клич орлиный. Пг., 1916; Ковалевский А. Укрощение тевтонов. Киев, 1916; Коровин Е. Мой уголок. М., 1916; Кравич О. Голубые хризантемы. Новочеркасск, 1916; Макри Т. Стихотворения. Вып. 2. Минск, 1916; Милич Е. Братьям в неволе.

Берн, 1916; Мухарева А. Стихи. Кн. 1. Пг., 1916; Оранжев-реев Н. Баллады на темы жизни. Новгород, 1916; Осипов С. Стихотворения. Ч. 5. М., 1916; Охотин Н. На пире земли: рассказы и песни. Пг., 1916; Рахлина-Румянцова О. Белоснежные крылья. Пг., 1916; Самарская С. Кого и что обожают в Риге. Рига, 1916; Слодкин В. Пыль клубится по дороге. Пг., 1916; Смиренский Б. Жимолость. Пг., 1916; Собко В. Стихотворения. Кременчуг, 1916; Соколовский А. Зеленые глаза. Одесса, 1916; Стож Д. Поездные волки, или Один тур Иркутск — Хайлар. Иркутск, 1916; Тихвинская О. Стихотворения. Нарва, 1916; Тихомиров В. Стихотворения. Киев, 1916; Черный Б. Четвертая тетрадь: Стихи. М., 1916; Шмаков П. Стоны камской чайки. 1916; Шухмин Х. Клоунские шутки, смех, да прибаутки. М., 1916.

³³ По-прежнему сознавая, что предложенные дефиниции («не модернист», «массовый поэт») малоудачны. Хотя бы потому, что достаточно часто ни разу не засветившийся в модернистских изданиях стихотворец оказывался куда радикальнее самого отъявленного модерниста. Ср., например, экспериментальный «Испанский сонет» Родиона Иванова, вошедший в его книгу «Вечно живущие» (1916):

Звон
Шпор...
Взор...
Стон...

Дон
Скор...
«Вор,
Вон!»...

Смял,
Взял
Честь!..
Ждет

Мечь,
Ждет!..

с аналогичным опытом, на который Владислав Ходасевич решился лишь в 1928 г.:

Лоб —
Мел.
Бел
Гроб.

Спел
Поп.
Сноп
Стрел —

День
Свят!
Склеп
Слеп.

Тень —
В ад!

³⁴ См. в этом же сборнике Фомина разоблачительное стихотворение «Поэту XX века (Эго-футуристу и проч.)».

Можно привести и противоположный пример: один из разделов в книге Нины Чаревой «Зеленый Кутаис» называется «В тылу футуристов». См. также стихотворение о похоронах футуристки Елены Гуро в книге Михаила Гипси.

³⁵ См. также стихотворение, снабженное посвящением «Марии Моравской», в книге Давида Хаита «Шрапнель страстей: лирионетты». Из посвящений в поэтических книгах не модернистов пока обратим внимание на посвящение цикла «Из песен Турана» «Василию Васильевичу Розанову» в сборнике Элеоноры Диксон «Песни степного тюльпана». Приведем здесь два стихотворения этой поэтессы, и читателю, надеемся, станет вполне ясно, что именно привлекало Элеонору Диксон в книгах и статьях Розанова:

Как прекрасно все вокруг!
Я люблю тебя, мой друг!
Солнце светит нам так ярко...
Я пылаю страстью жаркой...
Роза тянется к лучу...
Я хочу тебя, хочу!
Ветер шепчется с травой...
Милый друг, ты мой, ты мой!
Ароматом дышит грудь...
Сладко нам вдвоем уснуть!
Ах, гвоздика уж увяла...
Я гляжу вперед устало...
Вдаль бежит небес лазурь...
Ищет сердце новых бурь.

(«Как прекрасно все вокруг...»)

С детства продан он в бачи,
Бедный мальчик обреченный,
И растет у бай бачи
Утонченно развращенный.
Смех подведенных очей...
Нарумяненные щеки...
Он у бывших брал бачей
Развращенности уроки.
И коса, и наглый взгляд,
И цинизм ужасной шутки,
И кокетливый наряд
У мужчины проститутки...
Он умеет петь, плясать,
Делать глазки знатным баям,
Ими властно помыкать,
Их, как девка, обирая...
Вот он пляшет в чайхане
Танец страсти однополый...
Очи баев, как в огне.
Как Адам инстинкты голы.
Вот у ног бачи лежит
Знатный сарт, в него влюбленный.
Все забыто: дети, жены,
Бай от похоти дрожит...
Вот уж слышится: «Вай-дот!»
За бачу идут там драки,
Нож пустили в ход гуляки,
До убийства там дойдет...
Шепот: «Конин дан окайн!»
«Обожаю твое око»...

То одна из грязных тайн
Развращенного Востока...

(«Бача»)

См. также стихотворение, посвященное «Памяти Вл. Соловьева» в сборнике поэтессы и переводчицы Зинаиды Ц. (Быковой).

³⁶ Брюсов и Сологуб упоминаются также в прозаическом авторском предисловии к книге стихов Николая Черкасова «Выше! Лиремы»: «Многие из лирез расписывал я по лазаретам и не имел времени сходить к Сологубу или Брюсову за предисловием».

³⁷ См. также в его стихотворении «Дайте тему, и стихи...»: «Хоть не Бальмонт я — поэт // Лучезарный, модной марки, // Но здесь нужен солнца свет, // А не фейверочный яркий...»

³⁸ Подразумеваются пантолеты — род легких женских туфель в виде подошвы, держащейся на пальцах ноги с помощью ремешков или ленты.

³⁹ Из книги: Коровин Аркадий, Перлин Елизар. Вторая брошюра стихов. Орел, 1916.

⁴⁰ См. также в его стихотворении «Из письма»: «Сам Северянин антилопам // Здесь предпочел бы векши скок». Еще одно стихотворение Микули из этой же книги снабжено эпиграфом из Северянина.

⁴¹ Почти наверняка им подразумевалось и «княжеское» соотношение имен «Игорь» и «Олег». Добавим также, что одно из стихотворений в книге Дворяшина «На зеленом кургане»: поэзы для чтения в трамваях» было посвящено критiku-эгофутуристу Виктору Ховину.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Модернизм и массовая поэзия	27
Современность в поэтических книгах 1913 года.....	59
Вместо эпилога: русская поэзия в 1916 году — эпиграфы из модернистов	125
Примечания	142

Лекманов Олег Андершанович

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В 1913 ГОДУ

Корректор *Е. А. Соседова*

Верстка *О. Б. Русакова*

Обложка *И. И. Мамыкин*

ООО «Восточная книга»

127106, Москва, Гостиничный пр., д. 8, к. 1

www.east-book.ru

(495) 545-07-69

E-mail: muravei@muravei.ru

Адрес для корреспонденции:

127106, Москва, а/я 12

Подписано в печать 16.04.2014.

Формат 70x100 1/32. Усл. печ. л. 7,15.

Тираж 1000 экз. Заказ №